ЧТО СДѢЛАЛА

ЕКАТЕРИНА II

ДЛЯ РУССКАГО

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., свой д.
1896.

ЧТО СДѢЛАЛА

ЕКАТЕРИНА II

ДЛЯ РУССКАГО

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія.

М О С К В А.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій п., свой д.
1 8 9 6.

2007111613

Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія.

По умствованію каждаго вѣка слѣдующіе за нимъ о немъ судятъ. Вообще столѣтіямъ похвалы приписываютъ однимъ тѣмъ, кои не бредомъ, но здравымъ разсудкомъ отъ прочихъ отличались. Надзираніе, безспорно, въ рукахъ начальства. Благодарить мы должны Провидѣніе, что живемъ въ такое время, гдѣ кроткіе способы избираются ко исправленію.

Екатерина II, „Обольщенный“.

Всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее половодіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возымѣетъ теченіе естественнѣе прежняго: берега суть воспитаніе.

(„Были и небылицы“).

I.

Сто лѣтъ — не особенно большой промежутокъ времени для тѣхъ странъ, гдѣ общественная жизнь движется вяло и медленно, гдѣ всякая перемѣна въ народной жизни является результатомъ труднаго, затяжного, незамѣтнаго процесса.

Но Россія послѣднихъ вѣковъ, какъ сказочный богатырь, росла не по днямъ, а по часамъ. Вся жизнь

ея получала какой то ускоренный, нервный темпъ, характеръ феерiи съ необыкновенно быстрой и пестрой смѣной порядковъ, нравовъ, идей, настроенiй...

Пока Московская Русь спала, скованная тяжелымъ кашмаромъ нацiональной и религiозной нетерпимости, Западъ далеко ушелъ по пути свободной мысли и общественной справедливости. Проснувшись, мы попробовали догнать его, хотѣли пожинать, гдѣ не сѣяли, возможно скорѣе воспользоваться его многовѣковымъ наслѣдствомъ. Намъ часто казалось, что вотъ—вотъ мы догоняемъ его, догонимъ и пойдемъ въ ногу, а онъ все шелъ впередъ размѣреннымъ шагомъ привычнаго ходока, мы же, запыхавшись, отъ времени до времени останавливались и переводили духъ.

Впереди сквозь туманъ блисталъ долгiй и кремнистый путь. Надежда смѣнялась отчаянiемъ, иллюзiя—миражемъ, мѣнялись разстоянiя, перспективы, углы зрѣнiя; жизнь все болѣе сбивалась на игру калейдоскопа, въ которомъ мудрено уловить какой-нибудь законъ... Часто приходилось сбиваться съ дороги, колесить, а это еще больше усиливало усталость, заставляло преувеличивать длину пройденнаго пути. Не было времени одуматься, прiйти въ себя, „посравнить вѣкъ нынѣшнiй и вѣкъ минувшiй“; приходилось жить данной минутой; пройденная верста сейчасъ же сливалась съ тысячью предыдущихъ и вмѣстѣ съ ними отодвигалась въ „тьму вѣковъ“. Если и всплывали пережитые факты, то какъ что то страшно далекое и чуждое: вѣдь это въ значительной степени было и справедливо. Только съ большимъ трудомъ удавалось отрѣшиться отъ современныхъ условiй и воскресить предъ собою угасшую жизнь: такъ палеонтологъ по случайно сохранившимся костямъ возстановляетъ вымершiя формы допотопныхъ животныхъ.

Не легче и нашему поколѣнiю представить себѣ и понять духъ, настроенiе, общiй тонъ Екатерининской

эпохи: все это такъ далеко, чуждо, странно для насъ, все это требуетъ такого большого напряженія фантазіи...

Плохо вѣрится, что еще сто лѣтъ тому назадъ кипѣла эта богатая, праздная, исполненная всяческихъ противорѣчій жизнь; рисуемая воображеніемъ картина кажется иногда случайно всплывшимъ образомъ изъ давно прочтенной и забытой сказки. Это была пора высокихъ каблуковъ, расшитыхъ драгоцѣнными камнями и металлами камзоловъ, церемонныхъ менуэтовъ, пудренныхъ париковъ и аршинныхъ головныхъ уборовъ, жеманныхъ щеголихъ, философствующихъ петиметровъ, стотысячныхъ иллюминацій, колоссальныхъ фортунъ для случайныхъ людей, громогласной эпической трубы, которой вторили гармоническіе звуки „нѣжныя лиры". Тогда много толковали о свободѣ и закрѣпощали сотни тысячъ вольныхъ казаковъ и крестьянъ; тогда много спорили о правахъ человѣка и продавали крѣпостныя семьи враздробь; тогда просвѣтительныя идеи широкимъ потокомъ пронеслись по русской землѣ, но мракъ тогдашней русской жизни не только не разсѣялся, но даже мѣстами сгустился.

Великій русскій сатирикъ, Грибоѣдовъ, не безъ изумленія остановился передъ этой двойственностью: ему трудно было помирить „извнѣ рыцарство въ правахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства", понять „смѣсь пороковъ и любезности", объяснить себѣ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ драться, какъ левъ, съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкаться въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, а въ отставкѣ жить сплетнями...

Никогда такъ не веселились на Руси, какъ въ эту эпоху. Блестящія побѣды, ослѣпительныя празднества, роскошь двора, къ которому душой стремилось все дворянство и, какъ мотыльки около огня, обжигало себѣ крылья, разорялось отъ непосильныхъ тратъ,—

захватывающій, жизнерадостный, „улыбательный“ тонъ жизни — и приступы безумной, страшной тоски. Подъ блестящей внѣшностью скрывались тяжелые, болѣзненные жизненные процессы, которые такъ или иначе давали себя знать. Пѣвца Фелицы, большого любителя „забавнаго русскаго слога“, отъ времени до времени охватываетъ болѣзненный ужасъ смерти, непонятной, стихійной силы: при одной мысли о ней „цѣпенѣетъ кровь и духъ мятется“. Великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, тоже своего рода „сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ“, постоянно переходитъ отъ удалаго разгулья къ взрывамъ глубокой тоски, жестокаго сплина. На минуту отуманивается даже устойчивое „веселонравіе“ самой Императрицы. Прислушайтесь, сколько затаенной душевной боли въ слѣдующихъ словахъ одного изъ типичныхъ сыновъ этого страннаго вѣка, Добрынина: „бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго“.

Неразрѣшимыя противорѣчія мирно уживались рядомъ; оптимизмъ и пессимизмъ, грубость вкуса и тонкость пониманія, преклоненіе передъ разсудкомъ, здравымъ смысломъ и культъ непосредственнаго, иногда мистически настроеннаго чувства часто боролись другъ съ другомъ, но еще чаще давали прихотливыя, причудливыя соединенія и переходныя формы. Дѣйствительно, нужно перестроить совсѣмъ на иной ладъ свою голову, чтобы совмѣстить эти черты, понять самую возможность подобнаго совмѣщенія, воскресить передъ собою эту эпоху со всѣми ея своеобразными особенностями. Такая работа не пропадетъ даромъ: воскре-

сивши одинъ изъ крайнихъ пунктовъ, можно сравнить его съ другимъ, современнымъ, а такія сопоставленія всегда поучительны: благодаря имъ можно посмотрѣть на себя и современную жизнь со стороны, опредѣлить, въ какомъ направленіи началось движеніе и куда оно привело.

Мнѣ кажется, что эту работу удобнѣе дѣлать постепенно, по частямъ, такъ какъ для общей характеристики еще мало расчищена почва. Важность вопроса и его близкое отношеніе къ жгучимъ интересамъ современности заставили меня остановиться на опредѣленіи значенія Екатерины II для русскаго народнаго просвѣщенія...

II.

„Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина душу"; „Петръ Россамъ далъ тѣла, Екатерина душу". Въ такихъ краткихъ, но выразительныхъ и знаменательныхъ формулахъ [1]) осмыслило Екатерининское поколѣніе значеніе наиболѣе крупныхъ эпохъ русской исторической жизни, ихъ взаимное отношеніе. Такая постановка вопроса отодвигала до-Петровскую Русь въ сумрачный міръ призраковъ не только безтѣлесныхъ, но и бездушныхъ,—обращая ее въ какой то фантомъ разстроеннаго воображенія; она ставила людей Петровской эпохи въ грустное положеніе царя Навуходоносора, уподобившагося, какъ извѣстно, безсловеснымъ и бездушнымъ животнымъ; она приписывала Екатерининской эпохѣ крупную заслугу—созданіе на Руси цѣльныхъ, настоящихъ людей, имѣющихъ не только тѣло, но и душу.

Искреннее и, чаще, неискреннее ликованіе по поводу грандіозности достигнутыхъ результатовъ торже-

---

[1]) срв. еще слова Бецкаго Екатеринѣ II: „Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, Ваше Величество влагаете въ нихъ души"!

ствующей ноткой проходитъ почти черезъ всю литературу этого періода. Эта панегирическая нотка будетъ звучать еще долго потомъ, какъ обязательный элементъ всякихъ разсужденій о царствованіи Екатерины, и вызоветъ естественную реакцію: преувеличеніе приведетъ къ преуменьшенію...

Исторія нашего просвѣщенія второй половины прошлаго вѣка знаетъ обѣ эти крайности: значеніе просвѣтительной дѣятельности Екатерины II и Бецкаго, напр., то раздували до неестественныхъ размѣровъ, то сводили на забавный, почти анекдотическій пассажъ.

Помочь разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ оцѣнкахъ могутъ только критически провѣренные, безпристрастно сопоставленные факты, стремленіе объяснить себѣ, а не оправдать или осудить одно изъ явленій давно уже угасшей, далекой отъ насъ жизни... Эта дѣятельность сейчасъ же войдетъ въ свои естественные предѣлы, если мы ее сопоставимъ съ тѣмъ, что было сдѣлано предыдущими поколѣніями. Такъ разсѣется одна изъ многочисленныхъ историческихъ легендъ—обидная, по моему, для самихъ историческихъ дѣятелей: они не такъ мало сдѣлали, чтобы нужно было приписывать имъ чужой трудъ, насилуя факты, извращая историческую перспективу. Истина слишкомъ хорошая вещь, чтобы ею поступаться изъ-за какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній...

Просвѣтительная дѣятельность Екатерины II и ея ближайшихъ помощниковъ сводится главнымъ образомъ къ критикѣ и осмѣянію современной имъ системы воспитанія, проповѣди новыхъ педагогическихъ теорій, мѣрамъ для развитія народнаго образованія вообще и женскаго въ частности.

Посмотримъ, было ли это новымъ словомъ, созданіемъ новой потребности, или удовлетвореніемъ ранѣе

сознанной уже потребности, движеніемъ по открытому другими и уже проторенному пути...

III.

До-петровская Русь совсѣмъ не знала свѣтской общеобразовательной школы. Скудные обрывки сначала византійской, позднѣе западной образованности доходили до насъ случайно въ видѣ переводовъ и передѣлокъ нѣкоторыхъ ученыхъ произведеній, усваивались посредствомъ чтенія; большинство читателей довольствовалось сборниками краткихъ извлеченій изъ этой ученой литературы, и только отдѣльнымъ личностямъ удавалось подобрать себѣ значительный запасъ этихъ произведеній: книга въ тѣ времена была рѣдкостью, драгоцѣнностью—не даромъ скупой вообще на слова лѣтописецъ неоднократно упоминаетъ о пожертвованіи книгъ монастырямъ и церквямъ.

Случайностью была даже простая грамотность. По словамъ одного изъ изслѣдователей она „не входила въ составъ общеобязательнаго воспитанія, какъ необходимое образовательное средство; она причислялась къ техническимъ промысламъ и рукодѣліямъ, къ „механическимъ хитростямъ", какъ выражались у насъ позднѣе, и нужна была только на нѣкоторыхъ житейскихъ поприщахъ —напр., для духовнаго и приказнаго чина".

Любознательные люди усваивали себѣ грамоту у такъ называемыхъ „мастеровъ"—частныхъ учителей, умѣвшихъ читать и писать. Ихъ довольно ярко рисуетъ одно извѣстіе—правда, сравнительно позднее (XV в.): „мужики невѣжи учатъ робятъ, да рѣчь ему испортитъ, да первое изучатъ ему вечерню, а за это мастеру принести кашу да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да поминки (подарки) кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отой-

детъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгамъ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ".

Церковь всегда нуждалась для своихъ спеціальныхъ цѣлей въ грамотныхъ людяхъ и создала своеобразный типъ церковно-приходской школы, курсъ которой сводился къ „четью—пѣтью церковному", а задачей было подготовленіе причетниковъ, которые бы кое-какъ „по чернилу брели".

Въ монастырскихъ и церковныхъ школахъ могли случайно учиться и тѣ, которые не готовили себя къ духовной карьерѣ, но они тонули въ сѣрой безграмотной массѣ. Еще большей случайностью было женское образованіе.

Только немногіе изъ грамотныхъ монаховъ и монахинь, обезпокоенные невѣжествомъ и языческимъ настроеніемъ народа, пробовали заронить лучъ свѣта въ это темное царство, учили, не преслѣдуя узко профессіональныхъ цѣлей. Такъ, въ половинѣ XII в., Евфросинья Полоцкая учила дѣвочекъ грамотѣ, рукодѣлію, „воздержанію и терпѣнію, юные же душевной чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говѣнію благообразну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, ядѣнію и питію безмолвну, при старѣйшихъ молчати, мудрѣйшимъ покореніе, мало вѣщати, а множайше разумѣти".

Этотъ полный курсъ женскихъ наукъ до-монгольскаго періода находится въ тѣсной связи съ церковнымъ идеаломъ, который требовалъ „безстрастіе тѣлесное имѣти, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе немятежно; при старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшимъ послушаніе"; дѣвицы должны были „стыдѣніемъ украшатися", „долу очи имѣти, а душю горѣ".

Количество и качество подобныхъ школъ всегда было ниже общественной потребности въ образованіи, государственной и церковной—въ грамотныхъ людяхъ. Вре-

менами исчезают самые их слѣды, и слышатся горькія жалобы на то, что некого ставить въ священники: „церковь не только не могла воздѣйствовать на русское общество посредствомъ школы, но даже и для своихъ собственныхъ потребностей не могла долгое время даже въ духовномъ сословіи обезпечить себѣ хоть бы простой грамотности“ (П. Н. Милюковъ).

Свидѣтельство Геннадія (XV в.) является типическимъ фактомъ для всего этого періода: „приведутъ ко мнѣ (прихожане, желающіе получить священника) мужика, и я ему велю Апостола дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и по тому едва бредетъ; и я ему отреку (откажу), а они (прихожане) извѣтъ творятъ: „земля, господине, такова: не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ“, ино всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ челомъ бьютъ: „пожалуй, господине, вели учити“; и я прихожу учить ихъ эктеніи, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ говоритъ иное. Я велю ему учить азбуку, а они поучатся мало азбукѣ, да просятся прочь и не хотятъ ее учить... а хотя учатся, то не отъ усердія и живутъ долго; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія; а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити“.

Еще болѣе мрачная картина получится, если мы присмотримся къ воспитательной теоріи и практикѣ древней Руси.

Церковная письменность, пришедшая къ намъ не въ одно время и изъ разныхъ источниковъ, давала матеріалъ для обоснованія діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія. Конечно, сильнѣе всего прививалось то, что находило точку опоры въ мѣстныхъ условіяхъ.

Было предоставлено на выборъ два типа воспитанія: одинъ—суровый, жестокій, обоснованный между про-

чимъ на нѣкоторыхъ данныхъ и выраженіяхъ Ветхаго завѣта, другой—гуманный, любовный, который слѣдовало бы назвать евангельскимъ. Одинъ требовалъ прочнаго авторитета родительской власти, поддерживаемаго сокрушеніемъ ребръ, учащеніемъ ранъ, смотрѣлъ на ребенка, какъ на малолѣтняго преступника, и пробовалъ сковать его злую волю желѣзною дисциплиной. Среда, гдѣ онъ царствовалъ, была исполнена скрежета зубовнаго, криковъ и стоновъ жертвъ. Ласка и улыбка навсегда были удалены изъ педагогическаго обихода: вѣдь „смѣхъ не создаетъ, не хранитъ, но погубляетъ и созиданія разрушаетъ, смѣхъ Духа Святаго печалитъ, не пользуетъ и тѣло растлѣваетъ, смѣхъ добродѣтели прогонитъ, потому что не помнитъ о смерти и вѣчныхъ мукахъ. Отъими, Господи, отъ меня смѣхъ и даруй плачъ и рыданіе“—такъ молилъ древне-русскій книжникъ, и, боясь смѣха, какъ дьявольскаго искушенія, какъ порухи для своего авторитета, охотно вносилъ „плачъ и рыданіе“ въ безпомощную и беззащитную дѣтскую среду.

Больше всего боялись гордости, упрямства—и внѣдряли сѣмена покорности и смиренномудрія тѣлесными наказаніями; старались провести строгое различіе между книжною и истинною мудростью: „не ищи, человѣче, мудрости, ищи кротости; аще обрящеши кротость, то и одолѣеши мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ; тотъ мудръ, кто много добра творитъ“. Добродѣтели были расположены въ слѣдующемъ іерархическомъ порядкѣ: „постъ бо доводитъ до дверей, а милостыня до небеси, а любовь и миръ до престола Божія, а покореніе и послушаніе одесную Бога поставитъ и Бога умолитъ и царство небесное отверзаетъ и наслѣдіе вѣчныя жизни подаетъ“.

Наука, ученость представлялась чѣмъ то лишнимъ, даже опаснымъ. Исполненный религіозной и національной нетерпимости, гордый своимъ мнимымъ превосход-

ствомъ, древне-русскій человѣкъ съ паѳосомъ восклицалъ: „братіе, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте! Аще кто ти речетъ, вѣси ли всю философію, и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ; учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ".

Иногда проскальзываетъ какое то брезгливое, презрительное отношеніе къ наукѣ: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевніи грѣси учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; вышчайшаго себѣ не изыскуй и глубочайшаго себѣ не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готово ученіе, то содержи".

Усвоеніе ремесла и, изрѣдка, грамоты шло такимъ образомъ объ руку съ своеобразной духовно-нравственной выучкой, основанной на началахъ традиціи и авторитета, опиравшейся на главное и даже единственное педагогическое средство того времени—розгу.

Таковъ былъ первый педагогическій идеалъ въ его древне-русскихъ отраженіяхъ. Онъ слишкомъ былъ простъ, рѣшалъ сложныя жизненныя задачи „македонскимъ", упрощеннымъ способомъ и прекрасно гармонировалъ съ общими условіями жизни: этимъ объясняется его исключительная популярность.

Среди его многочисленныхъ книжныхъ и жизненныхъ отголосковъ трудно разслышать слабые отзвуки другого идеала, исходившаго изъ евангельской проповѣди, обращавшагося къ сердцамъ, взывавшаго къ лучшимъ сторонамъ человѣческой природы.

Немногимъ удавалось понять и провести въ жизнь

хотя бы такое положеніе: „смѣшно есть, иже глаголеть, яко мудрость безъ ученья есть: безъ нея бо нѣсть ползы“.

Одинъ изъ литературныхъ памятниковъ XVI в. отодвигаетъ этотъ идеалъ въ туманную даль до-монгольскаго періода, впадая, повидимому, въ большой анахронизмъ: „богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михаилъ, призываше всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и любви, и зачалу премудрости; учити же ихъ не яростію, ни жестокостью, ни гнѣвомъ, но радостновиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и слаткимъ проученіемъ и ласковымъ разсужденіемъ, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески опаятися“.

Искра, еле-еле тлѣвшая, не погасла, хотя мы рѣдко можемъ подмѣтить ея слабыя вспышки...

IV.

Съ XVI в. въ древне-русской жизни замѣчается свѣжее вѣяніе нарастающей общественной критики, освобождающейся общественной мысли, назрѣвающей потребности въ реформахъ.

На смѣну византійской церковной учености незамѣтными струйками просачивается въ древне-русскую невѣжественную толщу западно-европейская наука и литература.

Заходившія случайно данныя были не первой, правда, свѣжести: къ намъ явилась, напр., уже отцвѣтшая на Западѣ рыцарская повѣсть, забрели обрывки астрологіи, магіи, алхиміи, схоластической науки, потерявшихъ свое значеніе въ XIV—XV в., постепенно вытѣсняемыхъ новѣйшей реальной наукой.

Это запоздавшее вѣка на два направленіе свило себѣ прочное гнѣздо въ Юго-Западной Россіи и оттуда въ XVII в. начало распространяться по Великороссіи, удовлетворяя сильной потребности въ образованіи. А между тѣмъ на Западѣ давно ужъ занялась заря новой философіи и науки...

Правительство и церковь понимали всю ненормальность положенія учебнаго дѣла на Руси, но желали только профессіональной школы, которая могла бы подготовить причетниковъ и приказныхъ. Знаніе, пріобрѣтаемое по-прежнему частнымъ путемъ, посредствомъ чтенія, цѣнилось главнымъ образомъ ради практической пользы. Раздается все больше и больше голосовъ въ защиту свѣтской науки. Большинство вѣритъ въ возможность согласить ее съ старыми идеалами и пробуетъ оправдать ее съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ.

Многіе живо чувствовали потребность не только въ грамотности, но и въ просвѣщеніи — въ широкомъ смыслѣ этого слова; эта потребность далеко опередила наличныя образовательныя средства.

Притокъ иностранцевъ, поѣздки за границу, оживленіе литературы шли на-встрѣчу этому движенію. Все больше развивается самостоятельность, свобода „мнѣнія“, которой такъ боялся древне-русскій книжникъ, и явились попытки задержать быстрый ростъ самодѣятельной критической мысли, сохранить за книжникомъ стараго типа его прежнее первенствующее положеніе.

Время было упущено. Даже большая часть духовенства была охвачена новымъ духомъ. Не сумѣли стать во главѣ новаго теченія, проложить для него надлежащее русло, и оно пошло себѣ впередъ, опережая школу, неправильно удовлетворяя потребности въ знаніи — помимо нея.

Открытіе Славяно-греко-латинской Академіи было запоздавшимъ компромиссомъ. Представители южно-

русской схоластической учености, староверы, греки, иностранцы ожесточенно боролись, сводили свои сложные счеты тогда, когда судъ исторіи былъ произнесенъ уже надъ предметомъ спора, когда жизнь властно повлекла общество къ реальной наукѣ, реформѣ, сближенію съ Западомъ—съ ихъ крайностями и увлеченіями. Геніальный умъ пришельца, серба—католика Крижанича, произнесъ строгій судъ надъ этимъ историческимъ моментомъ, когда Москва колебалась между Востокомъ и Западомъ.

„Нѣмцы, говоритъ онъ, совѣтуютъ намъ (славянамъ) всяческія новизны и хотятъ, чтобы, пренебрегши добрыми старыми правами и учрежденіями, мы переняли ихъ превратные порядки; греки же безусловно осуждаютъ все новое, кричатъ, что всякая новость есть зло, и внушаютъ намъ свои глупости подъ ложнымъ именемъ старины. Нѣмцы проповѣдуютъ намъ нечестивыя и душегубительныя ереси; греки научили насъ истинной вѣрѣ, но привили къ ней схизму. Нѣмцы стараются увлечь насъ въ свою школу, навязываютъ подъ именемъ наукъ дьявольскія кудесничества: астрологію, алхимію, магію и убѣждаютъ свободныя и философскія науки сдѣлать доступными каждому мужику... Греки осуждаютъ всякое знаніе, всякую науку и рекомендуютъ намъ невѣжество. Нѣмцы превозносятъ живую проповѣдь и толкованіе Евангелія, увѣряя, что это единственный путь къ спасенію; греки совсѣмъ упразднили проповѣдь слова Божія и запретили религіозные споры. Нѣмцы провозглашаютъ полную свободу тѣлесныхъ вожделѣній и осуждаютъ монашество, постъ, ночную молитву; греки, сверхъ умерщвленія плоти, вводятъ фарисейское суевѣріе и ханжество. Греки совѣтуютъ намъ въ политикѣ подражать Турціи; нѣмцы все, что носитъ названіе турецкаго, объявляютъ варварскимъ, безчеловѣчнымъ, скотскимъ. Нѣмцы въ дѣлахъ вѣры признаютъ свободу совѣсти; греки

подъ страхомъ анаѳемы не допускаютъ никакого отступленія отъ преданія. Греки намъ льстятъ и зовутъ Москву третьимъ Римомъ; нѣмцы на насъ клевещутъ и считаютъ Россію простымъ княжествомъ. Тѣ и другіе насъ презираютъ, ищутъ нашихъ денегъ и желаютъ надъ нами властвовать".

Все это Крижаничъ считаетъ крайностями; ему хочется самобытнаго славянскаго развитія, онъ боится увлеченія заимствованіями, но не въ его силахъ было остановить могучій потокъ... По словамъ одного историка, „греческая партія обезсилила себя разрывомъ съ національной церковью и удерживала свое положеніе только путемъ внѣшняго принужденія. Напротивъ, значеніе Запада, чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось: оно росло по мѣрѣ того, какъ увеличивалась нужда въ научной техникѣ Запада, и по мѣрѣ того, какъ русскій человѣкъ становился чувствительнымъ къ развлеченіямъ и духовнымъ удовольствіямъ Западной культуры"; „реальная наука новаго времени пробила себѣ дорогу мимо словесныхъ тонкостей средневѣковой учености" и, прибавимъ мы, мимо залежей славяно-византійской школьной науки... Новыя потребности, новыя теченія общественной жизни вполнѣ уже опредѣлились, когда въ главѣ ихъ сталъ Петръ Великій...

V.

Далеко не безусловный поклонникъ дѣятельности Петра, знаменитый русскій историкъ прошлаго вѣка кн. Щербатовъ, произвелъ" примѣрное время исчислительное положеніе, во сколько бы лѣтъ, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, могла бы Россія, сама собою, безъ самовластія Петра Великаго, дойти до того состоянія, въ какомъ она нынѣ есть, въ разсужденіи просвѣщенія и славы"—и рѣшилъ, что она

„пришла бы въ такое состояніе, еще бы и не прославивъ себя, развѣ около 1892 года, да и то считая, что въ теченіе сего великаго времени не было бы никакого помѣшательства ни внутренняго, ни внѣшняго“. Намѣтившимся еще раньше мѣстнымъ процессамъ была придана головокружительная быстрота, тогдашнимъ поколѣніямъ пришлось сильно кружиться въ водоворотѣ реформъ; сила сопротивленія „новшествамъ“ слабѣетъ или крушится пріобрѣтшей такую и дурость у насъ петровской дубинкой; дверь была настежъ отперта „для званыхъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ“.

Петру хотѣлось сразу пересадить къ намъ всѣ культурныя формы западной жизни. Часто не было ни охоты, ни времени подумать объ ихъ пригодности и способности привиться къ новой почвѣ. Реформа шла скачками, часто давила здоровые культурные ростки народной жизни, отрицала всякія традиціи, старалась оборвать нить естественнаго общественнаго развитія слишкомъ быстрымъ и грубымъ вращеніемъ веретена...

Онъ думаетъ о томъ, „какъ бы кратчайшій и способнѣйшій путь изобрѣсти, чтобы завести науки и онымъ людей своихъ, елико мощно скорѣе, обучити“. Хотя низшее и среднее образованіе находилось въ ужасномъ состояніи, но ему понадобилось высшее научное учрежденіе для поддержанія національной ученой славы, „для сочиненія социетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ“.

Все это оказалось легкимъ только на бумагѣ и при ближайшемъ столкновеніи съ жизнью потребовало напряженія всей могучей энергіи Петра: и что мало охотниковъ, и то правда, понеже нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ;

которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, а уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“.

Чаще слышатся пессимистическія нотки: Петру кажется, что онъ не дождется результатовъ своей дѣятельности, „благого утра“: „только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ, яко финиковъ, котораго насаждающіи не получаютъ видѣть“: “ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ“. Тяготили его и пробѣлы собственнаго образованія: заставъ однажды дочерей за уроками, Петръ со вздохомъ сказалъ: „ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!“

„Птенцы Петровы“ смотрѣли свѣтлѣе на вещи. Одинъ изъ нихъ, Шафировъ, говоритъ: „нынѣ видимъ и самого Его Величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужеска и женска пола, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и голандскаго, и такого притомъ обхожденія, что непостыдно могутъ равняться со всѣми другими европейскими народами, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ“.

„Птенцы“ готовы были довольствоваться малымъ: они слишкомъ были практики.,.

„Выросшіе въ обстановкѣ московской Руси и сразу выброшенные въ водоворотъ реформъ, они не имѣли ни времени, ни возможности пройти правильную теоретическую школу, которая подготовила бы ихъ по—европейски къ насажденію европейской цивилизаціи. Вынужденные схватывать кое какъ, на-лету, обрывки знаній изъ всѣхъ возможныхъ отраслей науки и искус-

ства, куда только ни толкалъ ихъ нуждавшійся въ людяхъ преобразователь, эти люди волей-неволей должны были усвоить себѣ сноровку во всякой области знанія вылавливать сразу практически-нужное, непосредственно—полезное для немедленнаго приложенія къ дѣлу. Имъ некогда было сантиментальничать съ наукой и просвѣщеніемъ; Татищевъ хорошо выразилъ ихъ взглядъ на европейскую культуру, раздѣливъ всѣ науки, по ихъ отношенію къ домашнему и государственному обиходу, на двѣ различныя категоріи: науки нужныя или по крайней мѣрѣ полезныя — и щегольскія. Что просвѣщеніе смягчаетъ сердца или что искусство облагораживаетъ, душу подобныя мысли оставались (почти совсѣмъ) чуждыми этому поколѣнію, которое цѣнило одно знаніе, а въ знаніи—одинъ его практическій результатъ“ (П. Н. Милюковъ).

Характерной чертой большинства изъ нихъ была твердая вѣра въ возможность согласить многіе дѣдовскіе взгляды съ духомъ новаго просвѣщенія. Отсюда своеобразная цѣльность ихъ характеровъ, эпическое. невозмутимое спокойствіе, ясность души при общемъ нервномъ темпѣ жизни...

Характеръ преобразователя и его помощниковъ, косность массъ, тяжелая война, крайнее напряженіе народныхъ силъ, близость финансоваго краха и насущная необходимость во что бы то стало создать сильное войско наложили свой яркій отпечатокъ на петровскія реформы вообще и просвѣтительныя мѣры въ частности.

Ускоренное, часто неправильное и недостаточное рѣшеніе намѣченныхъ раньше задачъ, причудливое смѣшеніе стараго и новаго, яркіе проблески новыхъ настроеній среди ветхаго хлама—вотъ, кажется, основныя черты этихъ мѣръ.

Старая схоластическая Академія была оставлена безъ измѣненій и часто должна была чувствовать себя.

какъ сказочный герой, вернувшійся такъ лѣтъ послѣ 300 на родину. На ряду съ ней была задумана Академія наукъ, знаменитая „де сіансъ академія“ съ ея не менѣе знаменитымъ университетомъ и гимназіей.

Была создана профессіональная школа новаго типа-свѣтская и духовная. Реформа коснулась не только столицы, но и провинціи.

Петръ началъ съ морскихъ и военныхъ училищъ. Жизнь внесла свою поправку, подчеркнувъ необходимость элементарныхъ училищъ, и въ результатѣ появились цифирныя школы. Эти профессіональныя школы пріобрѣли вначалѣ до нѣкоторой степени общеобразовательный характеръ, такъ какъ для технической выучки необходимы были нѣкоторыя общія элементарныя свѣдѣнія. Позднѣе онѣ дѣлаются узко-сословными; обязательная служба сословій приводитъ къ обязательности ученія; „профессіональнымъ обученіемъ правительство было заинтересовано настолько, насколько оно стояло въ связи съ государственной службой“ (П. Н. Милюковъ).

Скоро началось разложеніе цифирныхъ школъ: пришлось освободить отъ обязательного обученія въ нихъ дѣтей посадскихъ, купеческихъ, духовныхъ; ихъ развитію мѣшала конкурренція архіерейскихъ школъ; отъ нея отталкивали грубость педогогической техники, неопредѣленность задачъ, принудительный характеръ обученія, основныя противорѣчія постановки учебнаго дѣла.

Рядомъ съ ними и въ ущербъ имъ выростаетъ новая архіерейская школа, поставленная на ноги Прокоповичемъ. Она быстро привилась и позднѣе превратилась въ духовныя семинаріи.

Какъ и немногочисленныя школы XVII в., всѣ эти школы, собственно, не давали ни воспитанія, ни образованія, а усваивали своимъ питомцамъ необходимые техническіе навыки, техническую выучку для профессіональныхъ цѣлей. Учениковъ не считали объектомъ

педагогическаго воздѣйствія. „Если онъ приходилъ добровольно, школа обращалась съ нимъ, какъ мастеръ съ нанимателемъ: это были отношенія свободнаго договора; если его посылаю въ школу правительство, тогда ученье было для него службой, за неисполненіе которой онъ подвергался служебнымъ взысканіямъ. Такимъ образомъ отвѣтственность ученика не отличалась отъ отвѣтственности взрослаго человѣка; проступокъ подводился подъ обыкновенное нарушеніе закона и наказывался какъ преступленіе; задачи воспитанія ограничивались требованіями внѣшней дисциплины (П. Н. Милюковъ). Это дѣлаетъ понятными хотя бы слѣдующія слова петровскаго регламента: „для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ показаніемъ, кто поманитъ“.

Элементарная или узко профессіональная школа, которая скоро получила яркую сословную окраску, многихъ не удовлетворила: въ обществѣ постепенно нарастала потребность въ школѣ безсословной, общеобразовательной, преслѣдующей чисто педагогическія цѣли. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Петровской эпохи, П. Н. Милюковъ, даже въ самомъ Петрѣ подмѣтилъ поворотъ къ этому новому теченію, которое идетъ въ-разрѣзъ съ общимъ характеромъ направленія этого времени.

По его словамъ, „если первые годы воспитанія и дѣятельности Петра Великаго развили въ немъ страсть къ техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, то въ послѣдніе десять лѣтъ жизни, подъ вліяніемъ новыхъ поѣздокъ на западъ, умственный горизонтъ преобразователя значительно расширился. Отъ узко-утилитар-

наго взгляда на науку Петръ готовъ былъ перейти къ взгляду болѣе безкорыстному и широкому. Надо признаться, что мостомъ для этого перехода послужило любопытство къ различнымъ научнымъ курьезамъ и диковинкамъ. Какъ бы то ни было, это любопытство, разъ затронутое, сдѣлало свое дѣло. Начавши съ собиранія „монстровъ и раритетовъ", Петръ кончилъ устройствомъ перваго въ Россіи естественно-историческаго и анатомическаго музея („куншт-камеры"); интересъ къ типографскому дѣлу привелъ къ учрежденію первой публичной библіотеки, а желаніе поскорѣе найти perpetuum mobile утвердило Петра въ мысли устроить въ Россіи Академію Наукъ" съ университетомъ и гимназіей, послѣ того какъ знаменитый нѣмецкій философъ Вольфъ тонко далъ ему понять, что „Россіи было бы полезнѣе распространять науку, чѣмъ двигать ихъ дальше,—что вмѣсто" Общества ученыхъ людей, которые бы трудились надъ усовершенствованіемъ искусства и наукъ, лучше было бы пригласить профессоровъ для чтенія лекцій".

На Западѣ наука, сравнительно съ Россіей, играла слишкомъ большую роль, и подражаніе ему невольно расширяло кругозоръ, отводило наукѣ болѣе широкое мѣсто.

Въ силу подражанія и у насъ начали учить женщинъ, приглашать для этого частныхъ учителей, хотя женское образованіе не находило тогда практическаго примѣненія и отличалось довольно курьезнымъ характеромъ. Такъ, дочерей Петра (Анну и Елизавету) обучалъ французъ Рамбурхъ—учитель танцовальнаго искусства и поступи, нѣмецкихъ учтивствъ, также французскимъ и нѣмецкимъ комплиментамъ".

Начало слагаться своеобразное, чисто русское понятіе объ „образованномъ человѣкѣ", которое выдвигало на первый планъ знаніе иностранныхъ языковъ: при Петрѣ „младымъ отрокамъ" предписывалось „всег-

да между собою говорить на иностранныхъ языкахъ, какъ для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ навыкъ, такъ и съ тѣмъ, чтобъ можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать“.

Повидимому, распознать по существу было нелегко, и правительству пришлось прибѣгнуть къ такому наглядному, упрощенному мѣрилу...

Важнѣе другая сторона дѣла. Петровская эпоха очень богата проектами, которыми засыпали преобразователя разныя безпокойныя головы и въ которыхъ часто слышится высоко любопытный „голосъ земли“: они знаменательны для исторіи броженія общественной мысли въ эту эпоху, иногда даютъ намъ исходную точку позднѣйшихъ направленій, движеній, настроеній... Если судить по нимъ, общественное вниманіе, затронутое реформой Петра, очень часто возвращалось къ вопросамъ образованія и воспитанія; въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей общество старалось заставить правительство расширить свою просвѣтительную программу, сдѣлать школу орудіемъ воспитанія (прежде эта роль всецѣло принадлежала семьѣ), поднять умственный уровень массъ, перевоспитать общество, воспитывая молодое поколѣніе..

Эти широкіе планы часто проходятъ подъ флагомъ профессіональныхъ, узко-утилитарныхъ цѣлей, но не нужно большого вниманія, чтобы подмѣтить въ нихъ слѣды новаго направленія.

Недостатокъ средствъ, отвлеченіе народныхъ силъ въ другую сторону, характеръ Петра и особенности его положенія не дали этимъ росткамъ развиться, но они оставили свои слѣды въ общественной мысли и легли въ основу развитія русской школы послѣ Петра. Особеннаго вниманія заслуживаютъ проекты Прокоповича и Салтыкова [1]).

---

[1]) *Иконниковъ*, Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго. Кіевъ. 1893.

Первому принадлежитъ планъ высшей духовной школы—духовной академіи и семинаріи. Учебная программа прежнихъ духовныхъ училищъ пополнена географіей, исторіей, физикой и политикой; на обязанности учебнаго персонала лежитъ пріохочивать учениковъ къ чтенію, снабжать ихъ въ достаточномъ количествѣ учебными пособіями, *укрѣплять и развивать физическія силы и эстетическія способности.*

Авторъ этого плана рѣзко расходится съ южнорусскими педагогическими традиціями въ понимапіи цѣли и характера образованія; его школа должна была выпускать не только просвѣщенныхъ писателей, но и образованныхъ членовъ общества...

Салтыковъ предлагалъ открыть въ каждой губерніи по 2 всесословныхъ академіи для гражданской и военной службы на монастырскія средства. „Когда молодыя дѣти, говоритъ онъ, отъ юности своей всегда вмѣстѣ между собою будутъ, тогда они будутъ натуры свои обощрять безпрестаннымъ обхожденіемъ лучше, нежели какъ нынѣ дворянскія дѣти свое воспитаніе имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому какъ лѣсъ нечищенный растетъ“. При академіяхъ можно устроить типографіи (ежели какой мастеръ или изъ учениковъ кто издастъ о чемъ какую книгу и та освидѣтельствуется, что не въ противность закона и государства и намъ во всякую пользу“) и библіотеки („какъ въ Англіи, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ“).

Въ кругъ академическаго преподаванія должны входить слѣдующіе предметы; 1) латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій и французскій языкъ, изъ которыхъ послѣдніе три „для обхожденія и разговоровъ съ разными народами; 2) свободныя науки: для праваго писанія и глаголанія—грамматика и риторика, для стихотворенія—поэтика, для разсужденія натуры—философія, для познанія истиннаго Бога и законовъ—богословіе, для всякихъ образовъ и правленій и из-

вѣстія о всѣхъ государствахъ—исторіи универсальныхъ и партикулярныхъ; 3) математическія науки для гражданскихъ и воинскихъ правленій: ариометика, геометрія, тригонометрія, навигація, фортификація, артиллерія, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномоника, музыка, пиктура, скульптура, миніатура; для знаемости и положенія мѣстъ: географія; для обороны собственной и *для изящества* учиться: на лошадяхъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать".

Салтыковъ многаго ждетъ отъ этихъ школъ: „такъ мы по сему образцу сравняемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европейскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлій не можетъ государство стяжать себѣ такого мнѣнія и также будетъ всегда требовать во всѣхъ дѣлахъ изъ другихъ ученыхъ государствъ людей на послуги свои и вспоможеніе".

Къ проекту приложены два любопытныхъ дополненія: 1) надобно сдѣлать исторію Россійскаго государство и о всѣхъ въ немъ заключающихся градахъ и велѣть ее перевесть на нѣмецкій и на французскій языкъ, и велѣть ее напечатать и отослать въ нѣмецкія государства и въ прочія европскія для извѣстія, чтобы они знали объ ономъ подробно и на оборону (защиту), что старые и иностранные сосѣдственные историки писали оное съ поносомъ о немъ"; 2) „велѣть сперва перевесть исторіи универсальныя и партикулярныя и велѣть ихъ напечатать и приказать, чтобъ всѣ, вмѣсто часовниковъ и псалтирей, учились словесному (грамотѣ) по нимъ: сіе будетъ вспоможеніе на извѣстіе о всѣхъ государствахъ и ихъ управленіи".

Высокій интересъ представляетъ проектъ Салтыкова относительно женскаго образованія.

Какъ и Прокоповичъ въ своемъ проектѣ высшей

духовной школы, Салтыковъ настаиваетъ на интернатѣ: „какъ онѣ будутъ всегда вмѣстѣ, то будутъ гораздо умнѣе и обходительнѣе, нежели какъ онѣ у отцовъ своихъ живутъ въ домѣ до замужества, не знавъ обхожденія людскаго и разговоровъ".

„Надобѣ-жъ во всѣхъ губерніяхъ учинить женскія школы, говоритъ онъ, и на то обратить женскіе монастыри, а изъ тѣхъ монастырей вывесть старицъ; но если въ которыхъ губерніяхъ нѣтъ богатыхъ женскихъ монастырей, и на то очистить мужскіе монастыри, на содержаніе, питалище и жилище и на содержаніе мастеровъ (учителей). И велѣть, подъ страхомъ на отцахъ, чтобъ водили на тѣ школы дочерей своихъ отъ 6 лѣтъ, и быть имъ тамъ до 15 лѣтъ, и велѣть ихъ учить женскимъ наукамъ: 1) для домоводства читать, писать, цыфири; 2) *для изящества* въ языкахъ французскаго и нѣмецкаго; 3) для забавы пиктуры, миніатиры и перспективы; 4) для забавы же своей и въ компаніи веселаго обхожденія: музыки инструментальной и вокальной, сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать, — танцовать. *Чтобъ и женской народъ уровнялся съ европскими государствами ровно*".

Золотыя слова сорвались съ мало поворотливаго языка Салтыкова. Они показываютъ, сколько успѣховъ сдѣлала русская мысль того времени, при всѣхъ ея скачкахъ и опасныхъ пируэтахъ, при всей ея наивности...

Петровская эпоха удовлетворила насущной, многовѣковой потребности русскаго общества, давъ ему хоть какую-нибудь организованную школу. Эта школа отличалась большими недостатками, но уже занималась заря лучшаго будущаго, и съ первыми ея проблесками мы имѣли дѣло въ изложенныхъ выше проектахъ...

VI.

Постепенное раскрѣпощеніе дворянства — одно изъ любопытныхъ и знаменательныхъ явленій русской исто-

ріи отъ смерти Петра до вступленія на престолъ Екатерины II: обязательность службы все болѣе и болѣе ограничивалась, пока указъ о вольности дворянской не развязалъ окончательно рукъ помѣщичьему классу.

Увеличился досугъ, увеличились и культурные успѣхи—успѣхи „людскости", общежитія, науки, литературы. Нѣмецкое вліяніе смѣняется французскимъ, грубость нравовъ и воззрѣній понемногу смягчается, отдѣльныя лица усваиваютъ европейскую утонченность обращенія, привыкаютъ къ удобствамъ культурной жизни, увлекаются западными идеями, проникаются болѣе широкими и безкорыстными идеалами.

Практическій, утилитарный или грубо-вульгарный тонъ петровской литературы уступаетъ мѣсто псевдоклассической напыщенности, идиллической и чувствительной манерности...

О-бокъ съ сатирами Кантемира и одами Ломоносова появляются—„балладъ о томъ, что любовь безъ заплаты не бываетъ отъ женска пола", „объявленіе любви французской работы", „объявленіе любви одной дѣвицѣ, которая всегда любила *чорнинкую сабачку* на рукахъ держать", „желаніе, учиненное одной дѣвицѣ" и другія вирши знаменитаго „профессора элоквенціи, а паче хитростей піитическихъ" Тредьяковскаго, который всею душою стремился къ милой Франціи, любезной странѣ, гдѣ живутъ такъ красиво, острятъ такъ умно, обращаются другъ съ другомъ такъ плѣнительно-вѣжливо:

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Гдѣ быти не смѣетъ манѣръ деревенски:
Ибо все держитъ въ себѣ благородно,
Богамъ, богинямъ, ты мѣсто природно.
Ларъ напояютъ твои сладко воды!
Въ тебѣ желаютъ всегда быть всѣ роды:
Точишь млеко, медъ и веселье мило,
Каково нигдѣ истинно не было.
Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
Кто тя не любитъ? развѣ бъ былъ духъ зверски!
А я не могу никогда забыти,
Пока имѣю здѣсь на земли быти.

Такъ еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка намѣтилась въ русскомъ обществѣ французо-манія и интересъ къ жизни чувства, къ наиболѣе утонченнымъ сторонамъ европейской культуры, къ наиболѣе эстетичнымъ особенностямъ западнаго общежитія.

Ученый академикъ (Фишеръ) является принципіальнымъ защитникомъ танцевъ: „о самыхъ ученыхъ людяхъ худо говорятъ, что они не по модѣ поступаютъ и никогда хорошенько поклонъ отдать не умѣютъ, буде когда къ какому знатному господину, къ какой госпожѣ или въ какое честное собраніе придутъ. Оттого презираютъ сперва ученыхъ, а потомъ самыя науки, понеже наукамъ въ порокъ ставятъ угрюмство и немодное обращеніе ученыхъ. Хотя бы другой причины къ принятію танцмейстера въ гимназію не было, кромѣ сей токмо, чтобъ онъ своихъ учениковъ училъ комплиментамъ, весело и непринужденно стать и свободно поворачиваться, однако сего довольно, что танцмейстера должно принять и содержать“.

Слышатся и болѣе серьезныя нотки. На Западѣ въ это время много толковали о воспитаніи и образованіи, ихъ цѣляхъ, значеніи, настоящемъ ихъ положеніи. . Это движеніе, все болѣе и болѣе выдвигавшее на первый планъ воспитаніе нравственное и физическое, въ ущербъ воспитанію умственному, не осталось чуждымъ и русской литературѣ.

Первыя отраженія его мы находимъ у Кантемира. По его словамъ, „главное дѣло воспитанія суть нравы, и о томъ вначалѣ трудиться должно, чтобъ младенца пріобучить къ добродѣтели; другія знанія и науки за нимъ слѣдовать и всѣ къ тому концу клониться имѣютъ:

Главное воспитанія въ томъ состоитъ дѣло,
Чтобъ сердце, страсти изгнавъ, младенчее зрѣло
Въ добрыхъ нравахъ утвердить, чтобъ чрезъ то полезенъ
Сынъ твой былъ отечеству, межъ людьми любезенъ
И всегда желателенъ: къ тому всѣ науки
Концу и искусство всѣ должны подать руки.

Еще опредѣленнѣе высказался въ 1760 году проф. Барсовъ: „конецъ и намѣреніе ученія есть знаніе. Но знаніе подобно оружію: и во благо, и во зло употребить его можно... Надобно умѣть управлять имъ; управляетъ знаніемъ сердце, а въ немъ добродѣтель... Честное сердце предпочитается великому разуму".

Эта проповѣдь нашла для себя хорошо подготовленную почву у насъ на Руси: большинству общества была чужда наука; она не выросла органически изъ мѣстныхъ условій, а явилась заносимымъ растеніемъ, которое слабо прививалось и развивалось при сѣверныхъ холодахъ, которое плохо умѣли цѣнить; старый византійскій идеалъ, глубоко пустившій у насъ свои цѣпкіе корни, тоже принижалъ умъ и выдвигалъ на первый планъ добродѣтель...

Новая теорія, самые послѣдніе гуманные принципы западной педагогики перемѣшиваются у насъ, часто очень курьезнымъ образомъ, со старыми пріемами русскаго воспитанія. Одна изъ статей „Ежемѣсячныхъ сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ" (1755 г.) выдвигаетъ на первый планъ воспитаніе. Рядомъ съ внушеніями обращаться съ дѣтьми ласково, съ довѣріемъ, и даже вступать съ ними въ разговоры и совѣтоваться о дѣлахъ, въ той же статьѣ говорится, что „въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ суровый видъ и малая розга могутъ болѣе сдѣлать, какъ напослѣдокъ наибольшія наказанія... За ложь, упрямство и всякую умышленную злобу наказывать наижесточайше и въ семъ никогда не упускать". Тутъ-же дается своеобразный совѣтъ внушать дѣтямъ „понятіе о низменности сего свѣта и пріятное воображеніе смерти".

Старое невѣжество и вражда противъ науки еще настолько были сильны въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества, что Ломоносовъ счелъ нужнымъ включить въ привилегіи проектируемаго имъ (въ 1760 г.) Петербургскаго университета ту, чтобы „обязать духовен-

ство не ругать наукъ въ проповѣдяхъ". Къ счастью, эти проповѣди не нашли себѣ поддержки въ правительствѣ, которое рѣшительно высказалось за просвѣщеніе; по крайней мѣрѣ въ именномъ указѣ объ учрежденіи Московскаго университета (1755) сказано: „наше желаніе и воля въ произведеніи народнаго благополучія; но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а, напротивъ того, зло искореняется, то, слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобы способомъ пристойныхъ наукъ возрастить въ пространствѣ имперіи нашей всякое полезное знаніе".

Здѣсь слышится голосъ Ломоносова, вѣрнаго сына Петровской эпохи по духу, хорошо воспользовавшагося послѣдующимъ историческимъ опытомъ и своими заграничными наблюденіями. Не многіе изъ дѣятелей прошлаго вѣка такъ ясно понимали насущную нужду русской жизни...

Педагогическая практика, количество и качество наличныхъ школъ мало соотвѣтствовали общественнымъ потребностямъ и интересамъ этой эпохи: нормальному развитію школы мѣшала застарѣлая язва русской государственной жизни—увлеченіе военными предпріятіями и истощеніе казны, слабость и разрозненность интеллигентнаго класса, равнодушіе къ вопросамъ просвѣщенія среди низшихъ общественныхъ слоевъ...

На развалинахъ старыхъ цифирныхъ школъ въ 30-хъ годахъ создается военная, гарнизонная школа, по правиламъ которой за неявку на уроки садили на цѣпь въ тюрьму...

Академическая гимназія и университетъ влачатъ жалкое существованіе.

Въ первой часто учениковъ ничему не учили, но сѣкли исправно и нещадно. Половина учениковъ сидитъ дома безъ платья; всѣ живутъ впроголодь. Въ учебную программу включаютъ для чего то фортификацію, на русскій языкъ и танцы предоставляется по 6 уроковъ,

на французскій — 14. Ариѳметикѣ обучаютъ невѣжественные студенты, геометріи — танцмейстеръ. Ученики „такъ по-нѣмецки читаютъ, что не токмо произношеніе ихъ знающимъ оный языкъ противно, но и чтеніе неразумительно“.

Учениковъ увѣчатъ палками, подшибаютъ имъ глаза; ученики поджигаютъ гимназію. Въ ней обыкновенно такой адскій холодъ, что „учителя въ зимнее время даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, размипаясь вдоль и поперекъ по классу, а ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ“.

Гимназіи приданъ рѣзкій сословный характеръ: по правиламъ 1750 г. „обучающихся въ гимназіи изъ шляхетства и другихъ знатныхъ чиновъ людей дѣтямъ сидѣть за особеннымъ столомъ, а которые незнатныхъ отцовъ дѣти, тѣхъ особливо отдѣлить“.

Въ Академическомъ университетѣ настоящихъ студентовъ почти не было, и профессора ходили на лекціи другъ къ другу, чтобы хоть этимъ подавать какіе-нибудь признаки жизни... Слышатся жалобы, что „профессоры публичныхъ лекцій въ Академіи не читаютъ, элевовъ, или учениковъ россійской націи, при себѣ не имѣютъ и не учатъ“; слышатся, съ другой стороны, просьбы „пожаловать“ хоть кадетовъ въ слушатели; приходится выписывать слушателей изъ Германіи...

Московскій университетъ въ продолженіе всего XVIII вѣка имѣлъ очень мало слушателей и выпустилъ не много дѣльныхъ людей. Профессоры читали лекціи на иностранныхъ языкахъ, студенты ихъ плохо понимали и предпочитали питейные дома аудиторіямъ [1]...

---

[1]) Лучше всего рисуетъ университетскіе порядки „чистосердечное признаніе“ Фонвизина. Наканунѣ экзамена (по латинскому языку въ нижнемъ латинскомъ языкѣ) дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ

Въ Кадетскомъ корпусѣ манерами и театральными представленіями занимались больше, чѣмъ науками. Постановку учебнаго дѣла въ этомъ учебномъ заведеніи прекрасно обрисовываетъ выданный Сумарокову аттестатъ: „въ геометріи обучилъ тригонометрію, експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, въ исторіи универсальной скончалъ Россію и Польшу, въ географіи атласъ Гюбнеровъ обучилъ, сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи, мораль Вольфовскую до 3 главы 2 части слушалъ, имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ“.

Появляются содержатели и содержательницы женскихъ пансіоновъ, которые никакъ не могутъ отличить науки отъ забавы, которые систематически прививаютъ

на коемъ было 5 пуговицъ, а на камзолѣ четыре: удивленный сею странностію спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны“, говорилъ онъ. „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значутъ 5 склоненій, а на камзолѣ 4 спряженія; и такъ,—продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою,—извольте слушать все, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія! Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете“. Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою прейсы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только три. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ картузомъ пуговицъ, и мы слѣдовательно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? „Въ Черное море“, отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другого моего товарища: „въ Бѣлое“, отвѣчаетъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: „не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географіи.

благорожденнымъ россіянкамъ „рѣчь растегану и мысль прыгающу“ и отбиваютъ имъ руки о спинку стула за непонятливость въ танцахъ... Въ 1758 г. двѣ француженки открыли французскую школу для женщинъ, которыхъ будутъ обучать: правоученію, исторіи, географіи, кто пожелаетъ ариѳметикѣ, музыкѣ, танцамъ, рисованію, доброму домостроительству. Третья француженка объявила: „если кто пожелаетъ отдать своихъ дѣтей дѣвицъ на ея содержаніе для обученія французскому языку и географіи, то она не преминетъ удовольствовать, показывая притомъ благородные поступки, пристойные къ ихъ природѣ“. Въ 1760 г. мадамъ Спринъ начала обучать молодыхъ дѣтей обоего пола французскому и нѣмецкому языкамъ, читать, писать, рисовать, также убирать на головѣ и другимъ приличнымъ къ воспитанію женскаго пола вещамъ“.

Эта пансіонская система воспитанія, безъ особыхъ измѣненій, дожила до 30-ыхъ годовъ и получила геніальную формулировку у Гоголя, въ извѣстномъ мѣстѣ „Мертвыхъ Душъ“: „хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія методовъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіоновъ. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ, такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, т.е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а потомъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы“.

Грустно дѣлается, когда подумаешь, что лучшіе мыслители Запада давно уже ясно и просто поставили вопросъ о женскомъ образованіи, между тѣмъ какъ у насъ царствовали еще эти „разныя методы".

Такъ, еще въ XVI в. Эразмъ Роттердамскій сказалъ: „какъ уважать женщину невѣжественную, праздную, лѣнивую?.. Обучать женщину рукодѣліямъ недостаточно; эти занятія нужны и полезны, но умъ въ нихъ не участвуетъ. Знаніе—вотъ лучшая гарантія нравственности и счастія, лучшее предохранительное средство отъ ошибокъ. Въ знаніи женщина найдетъ не только защиту отъ праздности, но въ немъ мы имѣемъ орудіе провести въ душу молодой дѣвушки правила добродѣтели. Наука трезва и скромна". Лѣтъ сто спустя Де-ла-Барръ возвратился къ этому вопросу, но подошелъ къ нему съ другой стороны: „такъ какъ хорошо исполнять свои обязанности можно лишь тогда, когда мы ихъ знаемъ и понимаемъ, то просвѣщеніе ума есть необходимое условіе нравственности. Къ тому же всѣ люди имѣютъ право на счастье, основою котораго есть познаніе истины. Поэтому было бы несправедливо отстранять женщинъ отъ науки и образованія" [1]).

Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ русская школа этого періода не лишена значенія: она проводила въ общество крупицы знанія, поддерживала, какъ умѣла, педагогическія традиціи, хотя постоянно отставала отъ успѣховъ русской общественной мысли. Важнѣе всего, что эта эпоха заключаетъ въ себѣ зародыши почти всѣхъ педагогическихъ явленій Екатерининской эпохи...

[1]) Невольно припоминаются и слѣдующія глубокія слова А. Коменскаго: „нѣтъ никакого основанія отстранять женскій полъ отъ ученія. Женщины такія же Божьи созданія, и часто болѣе насъ одарены умственными способностями и воспріимчивостью къ образованію: за что же оставлять ихъ на азбукѣ и вырывать у нихъ книги изъ рукъ! Опасаемся ли мы легкомыслія! Но чѣмъ болѣе вложимъ мы въ нихъ мыслей, тѣмъ менѣе мѣста останется для легкомыслія: оно происходитъ отъ умственной пустоты".

VII.

Разнообразные элементы, изъ которыхъ постепенно слагалась русская общественная жизнь, приходятъ въ состояніе *относительнаго* равновѣсія ко времени вступленія Екатерины II на престолъ. Замѣчаются яркіе слѣды слагающагося общественнаго мнѣнія, все болѣе и болѣе забирающихъ силу печати и театра; не находя себѣ пока подходящаго русла, они просачиваются подъ почвой и часто проглядываютъ изъ-подъ мусору оффиціальной панегирической литературы.

Основные жизненные процессы, исходнаго пункта которыхъ нужно искать еще въ московской старинѣ и жизненныхъ условіяхъ Петровской эпохи, продолжали свое прежнее медленное, но неуклонное теченіе; нравы по-прежнему были пестрой и часто безобразной смѣсью стараго и новаго, чужого и своего; высшее общество, слабый налетъ на широкой народной поверхности, культивировало заносныя чужія идеи, которыя часто шли въ-разрѣзъ съ фактами жизни...

Потребность въ самозащитѣ, инстинктъ самосохраненія вызвалъ къ жизни сильное московское государство, которое возникло на самой скудной матеріальной почвѣ и должно было взять на себя самую организацію общества и его классовъ. Крайнее напряженіе народныхъ силъ шло объ-руку съ закрѣпощеніемъ сословій.

Политическіе успѣхи послѣднихъ вѣковъ кореннымъ образомъ измѣнили положеніе Россіи, и начался медленный процессъ общественной реорганизаціи, не завершившійся, собственно, и до сихъ поръ.

„Раскрѣпощеніе общества началось съ верхняго дворянскаго класса и очень туго просачивалось затѣмъ въ нѣдра низшей массы. Дворянство уже въ XVIII ст. избавилось отъ своего спеціальнаго тягла—обязательной государственной службы. Но, добившись свободы, дворянство стало на стражѣ крестьянской неволи. Въ XVIII в.

впервые было провозглашено въ русской жизни новое начало *эмансипація*, но слишкомъ еще былъ узокъ масштабъ его практическаго примѣненія. Новыя вѣянія подернули блестящую поверхность русской жизни, но они еще не были тогда способны взбаламутить ея глубинъ. Екатерининское царствованіе и представило собою завершеніе этого промежуточнаго фазиса... Отсюда тѣ рѣзкіе диссонансы и контрасты, которые насыщаютъ атмосферу этого царствованія. Общество стояло тогда на историческомъ перепутьи. Старина, попрежнему царившая на днѣ народной жизни, поминутно просачивалась и на поверхность изъ-подъ новыхъ житейскихъ формъ, выраплывалась тонкими и неуловимыми струями даже и въ такія отправленія общественной жизни, которыя всецѣло казались на первый взглядъ продуктами самоновѣйшаго прогресса. На всю общественность, на всю нашу культуру разсматриваемой эпохи легла печать этой печальной двойственности. Вотъ почему, когда передъ умственнымъ взоромъ историка вереницей проходятъ люди и факты этого царствованія, пусть онъ не удивляется пестрой смѣнѣ противорѣчивыхъ явленій, пусть онъ не отдается чувству недоумѣнія, когда передъ нимъ въ однихъ и тѣхъ же устахъ фразы Вольтера начнутъ чередоваться съ реченіями Домостроя, и однѣ и тѣ же руки отъ перелистыванія великой энциклопедіи непосредственно перейдутъ къ патріархальной расправѣ надъ домашней челядью" (А. А. Кизеветтеръ). Таковы основныя противорѣчія этого „вѣка дворянскаго раскрѣпощенія, крестьянскаго порабощенія и постепеннаго нарожденія города, какъ цѣльной и автономической общественной единицы", по выраженію того же изслѣдователя.

Русская жизнь не стояла да и не могла стоять на мѣстѣ, въ общественномъ настроеніи назрѣвала коренная перемѣна, которая только случайно совпала съ перемѣной царствованія, хотя нашла въ ней сильную под-

держку, а иногда и камень преткновенія. Отношенія сосуществованія и преемства были поняты позднѣе, какъ причинная зависимость... Какъ бы то ни было, личность новой Государыни сыграла свою роль, и съ ней необходимо считаться: созданныя природой и средой основныя черты ея характера, взаимодѣйствія ея личности и исторической обстановки, въ которую забросила ее судьба,—объясняютъ многое въ исторіи идей, защитницей которыхъ она такъ часто выступала, и учрежденій, въ которыхъ она пыталась воплотить эти идеи. Такимъ образомъ, личность Екатерины, среда, ихъ взаимодѣйствія, идеи, учрежденія и общіе результаты дѣятельности—вотъ вопросы, которымъ будетъ посвящено дальнѣйшее изложеніе.

Природа дала Екатеринѣ большой умъ, забиравшій, впрочемъ, больше вширь и вдаль, чѣмъ вглубь. Она на-лету схватывала чужія идеи, быстро ихъ перерабатывала и приводила въ систему, низводила ихъ съ абстрактныхъ высотъ до уровня конкретнаго мышленія. Это былъ эклектическій по преимуществу умъ, который бралъ отовсюду все то, что ему нравилось, и придавалъ иногда этому сбродному матеріалу внѣшній видъ своеобразія. Большая часть умственной силы уходила на нелегкій процессъ усвоенія и систематизаціи. Благодаря этому очень нетрудно расщить міровоззрѣніе Екатерины на его составныя части и указать источникъ каждой изъ нихъ.

Такіе умы обыкновенно не отличаются творческими способностями. Интересно, что сама Екатерина, со свойственной ей вообще наблюдательностью и откровенностью, отмѣтила у себя эту черту: въ автобіографической запискѣ 1791 г. она прямо заявляетъ, что „никогда не считала свой умъ творческимъ“.

Это была живая, жизнерадостная, гибкая и упругая натура, обладавшая изумительною способностью приспособляться. Екатерина не любила ничего скучнаго,

печальнаго, слишкомъ ученаго, черезчуръ чувствительнаго; ей претила всякая аффектація. Изъ жизни и литературы ей хотѣлось бы выбросить не только все „гнусности и отвращеніе за собой влекущее“, но и „все то, что не въ улыбательномъ духѣ... либо скуку возбудить могущее, а паипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы“. Нѣкоторые изъ современниковъ подчеркнули тамъ фактъ, что она не долюбливала псевдоклассическихъ трагедій. Ей органически была противна напыщенность, погоня за громогласными и крикливыми эффектами, красота въ ущербъ смыслу, хотя она, высоко ставя свою дѣятельность и хорошо зная свою популярность, не всегда могла отличить дѣланый, фальшивый паѳосъ отъ искренняго взрыва чувствъ, злоупотребленіе разными тропами и фигурами — отъ констатированія реальныхъ фактовъ... „Восклицаніе пишется, говоритъ она („Были и небылицы“) обыкновенно двухвершковыми строками, наполненными высокопарными словами. Тутъ на слабомысліе и пустомысліе не смотрится, лишь бы сплетеніе словъ ушамъ громогласно казалось; дѣльное же отметается вездѣ тутъ, гдѣ въ вершковой мѣрѣ не вмѣстительно, либо слова не звучны“.

Особенно ярко выступаетъ эта черта ея натуры, сыгравшая крупную роль въ исторіи нашей литературы конца прошлаго вѣка, въ юмористическомъ завѣщаніи, котораго до сихъ поръ еще не оцѣнили надлежащимъ образомъ.

Вотъ что писала императрица въ ту эпоху, когда изящная простота и присущая русской натурѣ боязнь всякой аффектаціи только робко пробивались кой-гдѣ изъ-подъ груды навязанной намъ пустозвонной напыщенности и манерной слащавости, портившихъ здоровый вкусъ: „не писать шероховато либо съ трудомъ, аки подымая тягости на блокѣ; писавъ, думать не долго и не много, наипаче не потѣть надъ словами; краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругло-

ватымъ; краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится; скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ; веселое лучше всего, улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ; за смѣхомъ, за прикрасами не гоняться (не запрещается однакожъ оныхъ употреблять вездѣ тутъ, аки струи), ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т.е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ; проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять; гдѣ индѣ коснется до правоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицамъ остроблучнымъ не причинять истерическихъ припадковъ безвременно; глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ споснымъ учиниться; пустомысліе и слабомысліе откинуть вовсе, буде можно; на всякія мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится". Сколько въ этихъ словахъ здороваго реализма, блестокъ трезваго, свѣтлаго ума!

Живой темпераментъ умѣрялся развитымъ и требовательнымъ разсудкомъ, отъ котораго часто вѣяло холодомъ и отдавало сухостью и прозаичностью; слишкомъ рано и сильно развившаяся разсудочность подавила свѣжесть и непосредственность чувства, придала самимъ кратковременнымъ увлеченіямъ какой-то стереотипный, затхлый характеръ. Екатерина органически не могла понять свободной игры мистически настроенной фантазіи, своеобразной прелести чудесной сказки, чарующей привлекательности грезы, уносящей въ тридевятое царство, въ тридесятое государство... Не нужно забывать, что она не любила и никакъ не могла понять наиболѣе тонкаго, неуловимаго, забирающагося въ самые потаенные изгибы человѣческой души ис-

кусства—музыки: ей не по душѣ была манящая и дразнящая неопредѣленность вызванныхъ имъ образовъ, ощущеній, настроеній... Трезвая натура, развитой здравый смыслъ, вполнѣ опредѣлившаяся разсудочность давали мало почвы для иллюзій, окрашивали вкусы грубоватой простотой, которая потомъ часто шокировала французскихъ эмигрантовъ, сложившихся въ атмосферѣ версальскаго двора.

Замѣченная ложь, для которой разсудокъ или тщеславіе не могли быстро подыскать оправданія, глубоко оскорбляла Екатерину. Въ минуту откровенности у нея вырвалось слѣдующее характерное признаніе: „самою мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали“. Еще болѣе боялась она быть смѣшной или жалкой...

Природная правдивость переплелась здѣсь съ приподнятымъ самолюбіемъ, слишкомъ большимъ вниманіемъ къ общественному мнѣнію, рано развившимся тщеславіемъ, честолюбіемъ и славолюбіемъ...

Богатыя природныя силы, высокія требованія, пошлая, монотонная, бѣдная обстановка — вотъ условія, среди которыхъ слагается характеръ Екатерины. Сознаніе недюжинныхъ силъ, постоянныя униженія, противорѣчія между думами и дѣйствительностью заставляютъ рваться изъ этой тягостной атмосферы, отдаляютъ отъ родныхъ, воспитываютъ самостоятельность характера, находчивость, наблюдательность, усиливаютъ самолюбіе и тщеславіе; упругость нѣкоторыхъ изъ этихъ чертъ развивается пропорціонально давленію среды.

Дворъ Елисаветы далъ ей ту же картину, только еще ярче окрашенную, въ сильно увеличенномъ масштабѣ...

Въ этой обстановкѣ слагались люди, которые потомъ съ паѳосомъ говорили Екатеринѣ, что она „пре-

мудрѣе Самого Господа Бога". — которые могли заключать съ учителемъ условіе, чтобы онъ, попрошествіи зимнихъ мѣсяцевъ, на вакаціяхъ ветупилъ „вдолжность садовничю и (обязался) старатца здѣлатъ два аглицкия сада завестъ теплицы цвѣтники и парники"; какъ извѣстно, эти люди никакъ не могли отличить воспитанія—отъ питанія, и были увѣрены, что давали дѣтямъ хорошее воспитаніе, когда кормили ихъ бѣлымъ хлѣбомъ, никогда не давая чернаго. Одинъ изъ нихъ, генералъ-губернаторъ Каменскій, въ отношеніи за номеромъ, просилъ какъ то смѣнить рязанскаго епископа и прислать ему свѣтскаго архіерея; другіе сомнѣвались, чтобы у Бога „генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры были въ одномъ рангѣ", или были увѣрены, что „кружева и блонды составляютъ головѣ наилучшее украшеніе", между тѣмъ какъ „педанты думаютъ, что это вздоръ и что надобно украшать голову спутри, а не снаружи: какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ"; тѣла третьихъ родились въ Россіи, душа же ихъ принадлежала коронѣ французской; почти всѣмъ „стыдно было чего-нибудь стыдиться". Еще долго приходилось внушать имъ, напр., такія правила поведенія: „намѣренія свои скрывать, губъ рукой не утирать, въ сапогахъ не танцовать, встрѣчному знакомому пріятнымъ образомъ шляпу снимать за три шага, ни ближе, ни дальше, и глядѣть на него весело и пріятно съ благообразнымъ постоянствомъ".

Нѣкоторыя традиціи устойчивы у насъ на Руси. Когда въ 1785 г. Екатерина опредѣлила права, вольности и преимущества россійскаго дворянства, одинъ изъ современниковъ въ своихъ запискахъ пополнилъ перечень правъ еще одной, упущенной изъ виду вольностью, которою, повидимому, благородные россійскіе дворяне дорожили больше всего: „дворяне почитаютъ

невѣжество своимъ правомъ; человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но обѣгается“ [1]).

Втеченіе всего своего царствованія Екатеринѣ приходилось энергично бороться съ жестокостью и цинизмомъ, которые свили себѣ прочное гнѣздо при дворѣ: она принуждена была многократно подтверждать указами, чтобы не били придворныхъ ливрейныхъ служителей, „какого бы званія ни былъ“, и выражать „омерзеніе къ суровостямъ, отъ невѣжества рожденнымъ и выдуманнымъ“. Подъ внѣшнимъ лоскомъ было много самой первобытной грубости...

Горькое слово сказала она однажды своимъ приближеннымъ: „если бы я повѣрила тому, что вы говорите другъ про друга, то оказалось бы, что между вами нѣтъ ни одного, который не заслуживалъ бы отсѣченія головы“...

Стоитъ прибавить къ этимъ тягостнымъ впечатлѣніямъ семейныя неурядицы, недовѣріе и притѣсненія со стороны императрицы Елисаветы, нароставшій съ каждымъ годомъ придворный гнетъ, причуды и ребячества нелюбимаго и нелюбящаго мужа,—чтобы понять въ какомъ направленіи судьба довоспитала Екатерину. Здѣсь она познала горечь одиночества, униженія и безпомощности, „сладость возвышенныхъ мыслей“; здѣсь ея характеръ получилъ свой окончательный закалъ, свои наиболѣе сильныя и слабыя стороны...

„Несчастіе и уединеніе“ были ея учителями; гнетъ питалъ чувства протеста и симпатію къ свободолюбивымъ идеямъ философовъ просвѣтительнаго направленія; низость окружающей среды усиливала вѣру въ себя и самоувѣренность. У нея развивается замѣчательное чутье положенія, находчивость, умѣніе глу-

[1]) Гр. Воронцовъ въ началѣ царствованія Екатерины писалъ о своей племянницѣ, княгинѣ Дашковой, что она „имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ“.

боко скрывать свое истинное настроеніе, отъ души смѣяться, когда въ глубинѣ души накипали слезы, и заражать другихъ своею печалью, когда радостное чувство такъ и рвалось наружу...

Чужіе, далекіе, несимпатичные люди, невозможность да и нежелательность отступленія, минуты отчаянія— и рядомъ фаталистическая вѣра въ свою счастливую звѣзду, честолюбивыя мечты, „всегдашная готовность къ мобилизаціи", „постоянная самособранность". (В. О. Ключевскій),..

Позднѣе сама Екатерина признавалась: „несмотря на всю гибкость моей натуры я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо; я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго; я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; къ тому же я не могла бы никого перекричать"...

Понемногу слагалась привычка больше слушать, чѣмъ говорить, умѣніе подмѣчать особенности людей и пользоваться ими, - очень снисходительная мораль, нѣсколько пренебрежительное отношеніе къ людямъ и ихъ слабостямъ, умѣніе примиряться съ наиболѣе отталкивающими жизненными явленіями, недовѣріе къ окружающимъ—и способность ихъ плѣнять своею подкупающею искренностью...

Елисавета Петровна запрещала ей заниматься, говорила, что она и безъ того умна, и Екатерина умѣла искусно припрятать свою ученость, но продолжала много думать и читать...

Не одна мода или случайность натолкнули ее на просвѣтительную литературу: она сразу должна была почувствовать, насколько просвѣтительныя идеи родственны основнымъ особенностямъ ея натуры. Поэзіи мало было мѣста въ ея внутреннемъ міркѣ...

Она жадно впитываетъ въ себя ходячія идеи своего

вѣка; передъ ней раскрылись широкіе горизонты, душа отдыхала за возвышенными мыслями, когда кругомъ царила грязная житейская проза: такъ сложилась привычка жить, такъ сказать, на два фронта и совмѣщать несовмѣстимое...

Въ ея раннихъ запискахъ звучатъ безусловно искренніе и симпатичныя ноты: „Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя... Хочу общей цѣли - сдѣлать всѣхъ счастливыми. Свобода — душа всего, безъ нея все мертво... Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей рабами — люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря: оно убиваетъ промышленность, искусство, науки"...

Мечта — спутникъ одиночества, и даже у благоразумной и трезвой Екатерины вываливается изъ рукъ томъ Монтескье и Вольтера, когда она задумывается о томъ, какъ легко осчастливить Россію, какое славное, увлекательное поприще можетъ открыться передъ нею, Екатериной... Самыя мечты не были лишены практическаго характера, хотя иногда имъ не была чужда наивность...

Сбылись самыя пылкія, самыя фантастическія надежды: Екатерина сдѣлалась правительницей своей новой родины. У нея не могла не закружиться голова...

Своей сказочной карьерой она главнымъ образомъ была обязана себѣ, своему уму, своему развитію, своей привлекательности и предусмотрительности; естественно было игнорировать то теченіе, которое вынесло ее на верхъ: позднѣе свою удачу Екатерина приписывала лишь Богу и себѣ. Тщеславіе, честолюбіе, страсть къ шуму, блеску и первенству были съ излишкомъ удовлетворены: „Провидѣніе поставило меня, признавалась въ 1791 г. сама Екатерина, такъ

высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи".

У нея навсегда ужъ сохранится культъ собственнаго разума, своеобразная теорія самообразованія, пренебрежительное отношеніе къ правильной школѣ и системѣ: ея собственный примѣръ всею силою своего краснорѣчія будетъ заглушать голосъ теоріи и практики...

Первые годы царствованія носятъ на себѣ печать радостнаго возбужденія. Екатерина мало еще знала русское общество, но видѣла его искреннюю радость и вѣрила въ то, что ея царствованіе будетъ новой эрой.

Съ высоты престола раздались красивыя слова, заимствованныя, впрочемъ, изъ ходкихъ книгъ не первой свѣжести; русское общество заливалось радостными слезами, хотя часто прислушивалось къ этимъ словамъ не безъ недоумѣнія: „равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ. Слова не вмѣняются никогда въ преступленіе. Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойствія и безопасности гражданъ. Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако-жъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства (новаго уложенія) былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ—намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!"

Самая дѣвственность, невоздѣланность почвы подавала большія надежды. Екатерина сама признавалась: „я люблю страны еще невоздѣланныя: вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я годна только въ Россіи; въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы: все столько же искажено, сколько чопорно“. Какъ мало въ этихъ словахъ знанія исторіи и какой горькій опытъ ждалъ Екатерину!

Сравненіе съ предшествующей эпохой было безусловно въ пользу Екатерины; обаятельность представляемыхъ ею идей, несомнѣнные жизненные факты убѣждали ее въ благости Провидѣнія, которое послало, наконецъ, Россіи такую мудрую и гуманную правительницу...

Восторги и радостные слезы депутатовъ, благословенія народа сливались для Екатерины въ одинъ могучій, душу захватывающій гимнъ. Въ одной изъ церквей мужики подаютъ свѣчи, прося поставить ихъ передъ матушкой царицей Катериной Алексѣевной. Вольтеръ ей пишетъ: „Дидро—не единственный французъ, приходящій въ восторгъ отъ вашего величія. Мы—свѣтскіе миссіонеры, проповѣдующіе религію св. Екатерины, и мы можемъ похвастаться тѣмъ, что наша церковь порядочно обширна“. Одинъ изъ постоянныхъ и любимыхъ корреспондентовъ Екатерины, Гриммъ, въ своихъ письмахъ къ ней, „посреди самыхъ разнообразныхъ, повидимому, интересовъ, постоянно занимаетъ ее однако-жъ только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою Великою и Безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и надолго повергаетъ въ несказанное волненіе“ (Гротъ). Екатерина постепенно привыкаетъ къ роли

„свѣтлаго и тресвѣтлаго солнца“, которое „всѣмъ тепло и красно“.

Она не любитъ да и не можетъ понять печальныхъ лицъ, угрюмыхъ настроеній; самостоятельный починъ кажется ей недовѣріемъ къ ея силамъ и посягательствомъ на ея славу; она дѣлается очень чувствительной къ возраженіямъ. У нея вырываются даже такія слова: „съ мнѣніемъ моего совѣта я всегда согласна, когда его мнѣніе согласно съ моимъ“.

Сначала безтактная лесть, принужденность обращенія выводятъ ее изъ себя, и она кричитъ „орлинымъ голосомъ противъ такой манеры себя держать“, но чѣмъ больше она кричитъ, „тѣмъ менѣе всѣ чувствуютъ себя не стѣсненными въ ея присутствіи“. Ее тяготятъ церемонныя приличія, этикетъ, хотя въ упоминаніи объ этомъ гораздо больше позы, чѣмъ искренности; ей хотѣлось бы, чтобы естественность обращенія соединялась съ преклоненіемъ передъ ея геніемъ и чтобы это преклоненіе не принимало смѣшныхъ формъ; она любитъ посыпанную солью лесть, которая даже принимаетъ внѣшнія формы рѣзкаго обвиненія; ее тѣшитъ эта фиктивная борьба.

Но чутье притупляется, и скоро лесть, иногда очень грубая, войдетъ обязательнымъ составнымъ элементомъ въ отношенія. Самъ Потемкинъ совѣтовалъ Мальмсбери: „льстите, какъ можно больше, и не бойтесь въ этомъ пересолить“. Иностранные дипломаты единодушно жалуются на это, видятъ во всемъ личный характеръ Императрицы, между тѣмъ какъ эта черта опредѣлялась въ значительной степени самимъ ея положеніемъ...

Приближенные Екатерины нѣсколько разъ составляли для нея статистику ея подвиговъ на пользу Россіи. Безъ излишней скромности подводила она итоги своего царствованія и часто была убѣждена, что русское общество слишкомъ низко оцѣнивало ея

дѣятельность. Больше всего гордилась она своимъ дѣйствительно замѣчательнымъ трудолюбіемъ: даже и преувеличенныя похвалы ему она принимала благосклонно. Интересны ея собственныя слова: „я по природѣ люблю трудиться и чѣмъ болѣе работаю, тѣмъ становлюсь веселѣе“. Она много и постоянно работала. Живость темперамента и нелюбовь къ праздности сдѣлали ее, между прочимъ, очень плодовитой писательницей. Она сама признавалась: „я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернило; буде же еще къ тому лежатъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ. Начавъ же, не знаю я никогда, что напишу, а какъ рукою поведу я по бумагѣ, то мысль сматывается, какъ нитка съ клубка; но какъ пряжа не всегда ровна, то попадается и потолще, и потонѣе, а иногда и узелокъ, или что-нибудь и совсѣмъ не принадлежащее къ пряжѣ, ниткѣ и къ клубку, но совсѣмъ постороннее и къ другимъ вещамъ слѣдующее“.

Что относится къ Екатеринѣ, какъ литератору, то же можетъ быть примѣнено и къ другимъ сферамъ ея дѣятельности: она сама вѣдь признавалась, что у нея „нѣтъ системы“, но она желаетъ „только общаго блага“.

Приходилось сильно разбрасываться, выпутываться изъ очень труднаго положенія: ее возвели на престолъ различные общественные элементы, интересы которыхъ далеко расходились; между излюбленными идеями и дѣйствительностью сразу обнаружилась пропасть, черезъ которую нельзя было перебросить моста; сильнѣе всего, требовательнѣе всего было дворянство, а между тѣмъ его интересы рѣзко сталкиваются съ основными убѣжденіями Императрицы. Въ рѣдкихъ случаяхъ ее ждетъ открытый протестъ, чаще разступается передъ нею эта рыхлая и склизкая среда, сжимая и охва-

тывая ее со всѣхъ сторонъ своимъ пассивнымъ протестомъ. Стремленіе упрочить за собою пріобрѣтенное положеніе и сама натура требуютъ славы; слава дается безъ особаго труда, иногда прямо даромъ: провозглашеніе идей охотно принимаютъ за ихъ проведеніе въ жизнь, желанія—за исполненіе. Все легче и легче достаются новые лавры, все больше и больше досаждаютъ противорѣчія, и само собою какъ то случается, что Екатерина направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія. Хочется разнообразія, хочется блеснуть чѣмъ-нибудь необычайнымъ, всѣхъ затмить, показать всю широту своего генія; предпріятіе, отъ котораго была получена своя доля пріятно щекочущаго „мглистаго еиміама“ восторговъ и лести, забрасывалось и часто навсегда испарялось изъ памяти, смѣнялось новыми начинаніями и планами: было взято, что нужно, а остальное постепенно разрушалось при полномъ равнодушіи и иниціатора, и его помощниковъ; цвѣтокъ былъ сорванъ, его слегка понюхали и бросили, чтобы другіе нюхали или топтали...

Не одно тщеславіе, но и политическій разсчетъ заставлялъ Екатерину такъ разбрасываться, гремѣть, постоянно напоминать о себѣ и затрогивать народную фантазію своимъ величавымъ образомъ: лесть иностранцевъ, преклоненіе русскихъ льстили чувству національной гордости, залечивали старыя раны, нанесенныя народному достоинству, заставляли на время забывать о тяготѣ жизни...

Громкія побѣды, блескъ придворной жизни, ореолъ генія многосторонняго, даже универсальнаго заставляли о многомъ забывать. Впервые Россія сдѣлалась для Европы предметомъ восхищенныхъ и завистливыхъ разговоровъ.

Весьма немногіе рѣшались усумниться въ преимуществахъ Россіи, рискуя прогнѣвить Императрицу и встрѣтить рѣзкій общественный отпоръ: раздавался

тромъ побѣды, храбрый россъ веселился и высоко задиралъ носъ передъ иностранцами. Только такіе „шпыни и балагуры“, какъ Нарышкинъ, осмѣливались задавать нескромный вопросъ: „Государыня, втеченіе моего дѣтства и юности о русскихъ говорили, какъ о самомъ послѣднемъ изъ народовъ; ихъ называли медвѣдями и даже свиньями; за послѣднее время, и совершенно справедливо, ихъ ставятъ выше всѣхъ извѣстныхъ народовъ. И вотъ я желалъ бы, чтобы Ваше Величество соблаговолили сказать мнѣ, когда же, по вашему мнѣнію, мы стояли наравнѣ съ ними?“

Императрица ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, разсердилась даже на дерзкаго собесѣдника, но напрасно посмѣялся Нарышкинъ надъ этимъ ослѣпленіемъ и самообольщеніемъ: благодаря ему русскіе привыкли себя уважать, на него отчасти опиралось народное направленіе, въ литературѣ оно легло въ основу позднѣйшей реакціи противъ рабскаго преклоненія передъ всѣмъ иностраннымъ. Возставала противъ этого преклоненія и Екатерина. Она любила русскій языкъ; не безъ основанія она надѣялась, что ея „грѣшные надежи никому вреда не нанесутъ“, но потомство должно прибавить еще, что они поднимали значеніе литератора, воспитывали общество своимъ примѣромъ, придавали литературѣ общественное значеніе, дѣлали ее важнымъ орудіемъ общественнаго воспитанія,—вносили просвѣтительныя, гуманныя начала терпимости и справедливости. Слова находили пока мало отклика и не всегда были искренними, но въ природѣ ничто не пропадаетъ...

Не пропали, конечно, даромъ слѣдующія ея слова: „удивительно лишь только то, что были времена такія, въ кои насъ увѣряли и мы увѣрены были, что въ богатѣйшемъ и пространнѣйшемъ въ свѣтѣ языкѣ нашемъ не находится словъ для написанія письма, и заимствовали непремѣнно изъ иностранныхъ языковъ,

даже до мелочныхъ званій разныхъ вещей". Положеніе автора придавало этимъ словамъ особенный вѣсъ...

Екатерина любила русскій языкъ и часто грѣшила противъ его законовъ; она любила литературныя занятія, хотѣла пышнаго литературнаго расцвѣта—и часто налагала свою руку на писателей: все это симптомы основныхъ противорѣчій характера и положенія, личности и среды. Эти противорѣчія легко подмѣтить и въ другихъ направленіяхъ.

Аристократическіе задатки теоріи Монтескье скрещивались у насъ съ доморощеннымъ процессомъ быстраго роста дворянскаго класса. Навстрѣчу шли и личныя симпатіи Екатерины: не даромъ она признавалась: „хотя я лишена предразсудковъ и у меня умъ естественно философскій, я, сознаюсь, чувствую большую склонность чтить старыя фамиліи; я страдаю, видя ихъ обреченными почти до нищенства, и люблю возстановлять ихъ".

Она отождествляла дворянъ съ „просвѣщенною частью" народа и „совершенно забывала, что въ дѣйствительности у этой части тогдашняго нашего общества просвѣщенія было гораздо меньше, чѣмъ пудры на парикахъ" (Морозовъ).

Она часто признавала сословныя привилегіи, во всякомъ случаѣ считалась съ ними и часто ихъ санкціонировала.

Дворянство было признано, какъ особая порода людей, отличающаяся особой честью и заслугами; ему дано было руководящее значеніе въ центрахъ и областяхъ. Отсюда порабощеніе крѣпостныхъ, тягостный крестьянскій вопросъ, который часто отъ хронической формы переходилъ къ взрыву...

А между тѣмъ просвѣтительная теорія боролась противъ сословныхъ предразсудковъ, принимала къ свѣдѣнію и часто даже отстаивала интересы обездоленныхъ массъ, требовала терпимости, свободы, справедливости.

Пассивное сопротивленіе дворянъ вызывало раздраженіе, которое усиливалось вслѣдствіе безвыходности положенія. Колебанія между теоріей и практикой, привычками, убѣжденіями и необходимостью смѣняются иногда мечтами о постепенномъ созданіи „средняго рода людей“ — эквивалента дворянству. Это должно было быть не то западная буржуазія, не то безсословная интеллигенція — люди, „кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ“ и которые получаютъ высшее образованіе.

Чѣмъ больше знакомилась Екатерина съ русскимъ обществомъ, тѣмъ болѣе наталкивалась она на результаты коренныхъ жизненныхъ противорѣчій и тѣмъ въ большія противорѣчія впадала сама. Тщеславіе, привычка говорила, что все обстоитъ благополучно, что какія-нибудь серьёзныя осложненія невозможны, разсудокъ часто долженъ былъ шептать укоризны, подчеркивать разницу между словомъ и дѣломъ, — подготовлять матеріалъ для грустнаго вывода, что „много пустоты въ глубочайшихъ изысканіяхъ и въ блистающихъ дѣлахъ, кои величавостію приготовляются потомству къ прославленію“ (слова Екатерины, сказанныя по другому поводу). Трудно было не видѣть того, что видѣли всѣ. Іосифъ II (австрійскій) видѣлъ „болѣе блеска, чѣмъ дѣла“; великій князь Александръ Павловичъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ рисовалъ рельефную картину: „въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду“.

Не на что было опереться, и по неволѣ приходилось мириться, на многое смотрѣть сквозь пальцы; спокойнѣе было отдаваться теченію жизни, балансировать, искусно устраняя опасныя осложненія; приходи-

лось отступать передъ выступившей внезапно сложностью жизни...

Вѣрная ученица самыхъ неисторическихъ изъ философовъ горькимъ опытомъ дошла до признанія неумолимыхъ историческихъ законовъ, силы традиціи, исторической перспективы. Она выступила съ свѣтлой вѣрой въ силу разума вообще и своего въ особенности, но быстро подхватило ее теченіе и понесло совсѣмъ не туда, куда она думала плыть вмѣстѣ съ русскимъ народомъ. Ей пришлось убѣдиться, что у Россіи есть свое прошлое, съ которымъ нужно считаться. Не успѣвъ реформировать русское общество, она задумала его перевоспитать, но скоро убѣдилась, что и въ этомъ отношеніи ей мало удастся исполнить.

Облетѣли молодыя надежды подъ холоднымъ дуновеніемъ суроваго житейскаго опыта, да и выросли-то онѣ на мудреной почвѣ. Вкусъ къ любимымъ идеямъ, вѣра въ ихъ примѣнимость сильно были поколеблены, когда первые раскаты французской революціи заставили ее совсѣмъ отречься отъ нихъ [1]) и даже преслѣдавать ихъ далекія отраженія. Общественная самодѣятельность, вызванная къ жизни европеизаціей Россіи, мѣстными условіями и отчасти вліяніемъ самой Императрицы, прежде всего почувствовала на себѣ всю горечь новыхъ порядковъ...

Сдѣлавши Екатерину раздражительной и даже мстительной, всѣ эти перипетіи изощрили ея прозорливость, наблюдательность, дали ей нѣсколько новыхъ блестящихъ идей, опережающихъ вѣкъ.

---

[1]) Отношеніе къ идеямъ не слѣдуетъ смѣшивать съ отношеніемъ къ ихъ носителямъ: Екатерина не считала философовъ виновниками революціи, но идеи ихъ казались ей утопическими, крайне не практичными, даже вредными, такъ какъ разнузданный народъ легко могъ подхватить ихъ и перетолковывать по своему. Отсюда новая двойственность: защищая, напр., Вольтера противъ нападокъ Гримма, она запрещаетъ и преслѣдуетъ его сочиненія.

Она предсказала казнь Людовика XVI, терроръ, военную диктатуру.

Глубиною мысли вѣетъ отъ слѣдующихъ ея словъ Даламберу: „отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда, и довольно часто, должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ, и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера,—наконецъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе". Жизненный опытъ принесъ важный выводъ, но имъ мало пришлось воспользоваться [1]).

VIII.

„Я должна отдать справедливость своему народу, писала однажды Екатерина Вольтеру: это превосходная почва, на которой хорошее сѣмя быстро возростаетъ; но намъ также нужны аксіомы, неоспоримо признанныя за истинныя".

Откуда нужно было брать это сѣмя, что это за аксіомы?

Екатерина не только не скрывала, но даже любила выставлять на показъ свое увлеченіе просвѣтительной философіей: „я любила философію, любя сердечно добродѣтели республиканскія, которыя кажутся несогласными съ моею неограниченною властью"; „Духъ Законовъ (Монтескье) долженъ былъ молитвенникомъ монарховъ со здравымъ смысломъ"; „я для блага своего государства обокрала президента Монтескье, не упоминая о немъ... Книга его—мой требникъ".

---

[1]) Поворотъ къ болѣе историческому міровоззрѣнію сказался и во взглядѣ на изданіе сочиненій Вольтера: она выражаетъ желаніе, чтобы они были напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ.

Идеи этой философіи казались ей сначала не только красивыми, увлекательными, но и практичными, абсолютно вѣрными.

Большинство представителей русскаго общества казалось ей, какъ и Бецкому, „звѣрообразными и неистовыми въ словахъ и поступкахъ“. Жизнь была переполнена вопіющими злоупотребленіями. Между тѣмъ просвѣтительная философія имѣла панацею противъ всего этого, раскрывала широкіе горизонты, вѣрила въ близкое поступленіе „благого утра“: такъ легко казалось совлечь съ себя ветхаго человѣка — стоило только дать волю разуму, естественному чувству. Оптимизмъ опирался въ данномъ случаѣ на недостатокъ историческаго чутья.

Одна власть мало удовлетворяла: хотѣлось благодаря ей достигнуть грандіозныхъ результатовъ: не только Екатерина II, но и Фридрихъ II и Іосифъ II, наиболѣе честолюбивые и талантливые государи того времени, не довольствовались военными и политическими лаврами, а вступали въ соперничество съ замѣчательными представителями современнаго имъ умственнаго движенія.

Общество сначала недоумѣвало и пугалось, а потомъ успокоилось, убѣдившись, что ему не грозитъ рѣшительная ломка, что это только свободная игра мускуловъ и нервовъ. Отдѣльные его представители увлекались этими идеями—одни изъ подражанія [1]), другіе искренно... Поѣздки за границу, вліяніе иностранныхъ воспитателей, чтеніе все болѣе и болѣе сбли-

---

1) По примѣру Екатерины вельможи заводили себѣ богатыя библіотеки, на которыя иногда только взглядывали. Дѣло происходило такъ. Знатный человѣкъ заходилъ къ книгопродавцу и заказывалъ приготовить ему книгъ. Какихъ? спрашивалъ тотъ.—„Mais vous savez cela mieux que moi; c'est votre affaire Des gros livres en bas, des petits en haut: tout á fait comme ils sont chez l' Impératrice“. (А. Е. Грузинскій, Фонвизинъ, 8).

жало ихъ съ духомъ новаго просвѣщенія, которое на нашей почвѣ вступало въ прихотливыя соединенія съ доморощенными привычками...

Намъ нужно познакомиться съ нѣкоторыми сторонами этого просвѣщенія и его отраженіями въ Россіи, выяснить роль Екатерины, какъ посредницы между западными идеями и русскимъ обществомъ.

Гриммъ удачно формулировалъ одну изъ главныхъ идей своего времени: „просвѣтится народъ, станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, а не надъ животными".

Екатерина прекрасно усвоила себѣ эту сторону просвѣтительной программы, но внушительный государственный и житейскій опытъ часто наводилъ и на нее „облакъ сумнѣнія": „меня никогда не заставятъ бояться просвѣщенныхъ народовъ, но когда-то народы будутъ просвѣщены? Когда между образованными людьми не будетъ безнравственныхъ, съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, и людей, болѣе способныхъ портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать?"

Нужно перевоспитать людей, познакомить ихъ съ сладостью возвышенныхъ мыслей, съ идеями терпимости, справедливости, свободы, равенства и братства. Сама Екатерина беретъ на себя пропаганду любимыхъ идей, осмѣиваетъ шероховатости и недостатки русской жизни и русской натуры. Въ ея сатирическомъ жалѣ мало яду; ея насмѣшка скользитъ по поверхности, мало забирая вглубь, но она узаконяетъ общественную критику—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ: вѣдь не даромъ Екатерина такъ часто повторяла, что „вольность (свобода) есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ", что она „состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно". Послѣднее правило, впрочемъ, часто тонуло среди многочис-

ленныхъ исключеній—совсѣмъ какъ въ русской грамматикѣ, съ которой все же Екатеринѣ было труднѣе справиться, чѣмъ со своими вѣрноподданными...

Колебанія въ отношеніяхъ къ философамъ—вѣрный симптомъ колебаній въ области идей...

Когда Екатерина ближе присмотрѣлась къ своимъ учителямъ, ея увлеченіе сильно поостыло: „Je suis une Gauloise du nord, и понимаю только прежнихъ французовъ, пишетъ она де-Линю: но не понимаю новыхъ. Я думала, что извлеку какую-нибудь пользу изъ вашего образованнаго сословія, изъ вашихъ ученыхъ разныхъ наименованій съ окончаніями на *истъ:* я испытала ихъ на дѣлѣ, при случаѣ я переписывалась съ ними: они надоѣли мнѣ до смерти и никогда не умѣли понять меня. Только мой добрый покровитель Вольтеръ составляетъ исключеніе. Знаете ли вы, что Вольтеръ тотъ, кто былъ моимъ руководителемъ?“

Вольтеръ насквозь понималъ Екатерину, придавалъ, повидимому, надлежащее значеніе заигрываніямъ Сѣверной Семирамиды съ философами: онъ много острилъ, льстилъ тонко или грубо, извлекалъ всевозможныя выгоды изъ переписки, довольствовался вообще малымъ—словами и показнымъ увлеченіемъ, которое шло объ-руку съ искренними нотками. Онъ прекрасно понималъ, что Екатерина писала не столько ему, сколько всей Европѣ, что переписка выходила изъ тонкаго политическаго разсчета, что остатки прежняго свѣжаго и искренняго чувства были покрыты густымъ слоемъ пепла „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“.

Философамъ было лестно и важно имѣть коронованныхъ поклонниковъ и поклонницъ, и они смотрѣли сквозь пальцы на нѣкоторыя противорѣчія и шероховатости.

Конечно, такого проницательнаго человѣка, какъ Вольтеръ, трудно было обойти и внушить ему взглядъ,

что вмѣшательство въ польскія дѣла вызвано только защитой терпимости. Однако онъ пишетъ: „Ваши великодушныя старанія возстановить въ Польшѣ свободу совѣсти представляютъ такой актъ благотворительности, за который человѣчество всегда будетъ прославлять васъ“. Актъ благотворительности кончился раздѣломъ Польши, и полякамъ дана была полная возможность насильственно обращать въ унію православное населеніе.

Переписка съ философами, внѣшній показатель живого идейнаго общенія, представляла для Екатерины разнообразный интересъ: она создавала репутацію, популярность, отчасти руководила общественнымъ мнѣніемъ Европы, была звеномъ полезныхъ и интересныхъ связей, знакомила съ лучшими произведеніями, новинками, сплетнями, помогала вызывать нужныхъ спеціалистовъ и дѣлать заказы, была наконецъ развлеченіемъ, забавой. Отъ умныхъ современниковъ не укрылась оборотная сторона медали: герцогиня Шуазель писала, напр., г-жѣ Дю-Деффанъ: „все это покровительство искуствамъ и наукамъ есть не что иное, какъ роскошь и капризъ современной моды“.

Но и великіе умы могутъ быть наивными. Дидро придалъ слишкомъ серьёзное значеніе всей этой перепискѣ, всему этому идейному общенію, и въ результатѣ получилось взаимное разочарованіе и охлажденіе.

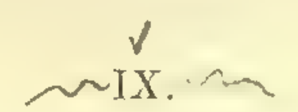
Вся эта характерная исторія рельефно изображена Екатериной для Сегюра: „я много и часто разговаривалъ съ нимъ (Дидро), но не столько съ пользой для себя, сколько изъ любопытства. Еслибы я послушалась его, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы для того, чтобы очистить мѣсто для невозможныхъ теорій. Однако, такъ какъ я слушала болѣе, чѣмъ говорила, то всякій, кому случалось бы присутствовать при этой бесѣдѣ, принялъ бы его за строгаго пе-

дагога, а меня за его покорную ученицу. Онъ, вѣроятно, и считалъ себя за педагога, такъ какъ, убѣдившись по прошествіи нѣкотораго времени, что не сдѣлано ни одного изъ рекомендованныхъ имъ великихъ нововведеній, онъ выразилъ удивленіе и отзывавшееся заносчивостью неудовольствіе. Тогда я обратилась къ нему со слѣдующими откровенными словами: „г. Дидро, я съ величайшимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушило ваше блестящее воображеніе; съ помощью вашихъ великихъ принциповъ, которые я очень хорошо понимаю, можно писать прекрасныя книги, но очень плохо вести дѣла. При изложеніи всѣхъ вашихъ плановъ для реформъ вы позабываете, какъ различны наши положенія: вы работаете только на бумагѣ, которая гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни вашему перу. Но я, какъ императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе чувствительна и щекотлива". Я увѣрена, что съ этой минуты онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, какъ на женщину съ узкимъ и вульгарнымъ умомъ. Послѣ того онъ разговаривалъ только о литературѣ, и политика перестала быть сюжетомъ нашихъ бесѣдъ".

Осторожное, внимательное отношеніе къ чужой кожѣ, конечно, хорошая вещь, но эта исторія имѣла и другую сторону, которой, повидимому, не замѣтила сама Екатерина: Дидро былъ вправѣ ожидать другого отношенія къ себѣ и своимъ идеямъ, онъ органически не могъ понять кокетничанья святыми для него идеалами, хладнокровнаго игнорированія вопіющихъ противорѣчій между словомъ и дѣломъ.

Какъ бы то ни было, искренно или неискренно, извѣстныя идеи исповѣдывались, постепенно входили въ обиходъ; на основаніи извѣстнаго психологическаго закона усвоенная внѣшнимъ образомъ форма или идея оказывала медленное, но неуклонное обратное вліяніе,

и процессъ европеизаціи Россіи все же двигался впередъ. Между тѣмъ общественное броженіе находилось подъ бдительнымъ присмотромъ; просвѣтительныя идеи, искавшія практическаго примѣненія, часто встрѣчали рѣзкій отпоръ, если переходили за строго обозначенные предѣлы. Частный почииъ по-прежнему признавался за признакъ своеволія и недовѣрія и подвергался неожиданнымъ преслѣдованіямъ. Руки сѣяли сѣмена, а ноги часто давили ихъ и втаптывали въ грязь....

Мы видѣли, что двойственное отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ постепенно смѣнялось полнымъ разочарованіемъ въ нихъ и даже преслѣдованіями.

Такія же колебанія замѣтны и въ области педагогическихъ взглядовъ: сначала искреннее увлеченіе, позднѣе разочарованіе и нерѣшительная подмѣна обветшавшихъ идей болѣе свѣжими выводами. Исповѣдуя ихъ публично, проводя ихъ въ жизнь, усердно пропагандируя, Екатерина часто видитъ ихъ слабыя стороны, хотя рѣдко въ этомъ признается. „Кто не живетъ своимъ образцомъ? Воспитаны же, какъ Богъ дастъ; смолода мы думаемъ инако, нежели въ среднихъ лѣтахъ, а въ старости еще инако“, какъ говорила сама Екатерина.

Въ молодости она была правовѣрной раціоналисткой—особенно въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ вопросовъ этой эпохи—педагогическомъ.

Воспитаніе было излюбленной темой салонныхъ дебатовъ, литературныхъ бесѣдъ, ученыхъ и публицистическихъ разсужденій прошлаго вѣка. Его считали главнымъ средствомъ борьбы противъ ненавистнаго стараго режима во имя идеаловъ будущаго. Оно должно было стереть непріятный историческій налетъ съ человѣческой на-

туры, дать свободное развитіе ея хорошимъ естественнымъ задаткамъ; вопросъ сводился такимъ образомъ къ созданію хорошей преломляющей среды, которая умѣла бы разсѣять темные жизненные лучи и собрать въ яркій пучокъ свѣтлые. Общественныя невзгоды, замѣтное пониженіе нравственнаго уровня въ обществѣ, вѣра въ абсолютную силу естественнаго разума, ненависть ко всякому гнету придали своеобразный характеръ тогдашней педагогической теоріи.

Старая, схоластическая педагогическая теорія и практика, благодаря своей цѣпкости и консерватизму массъ, продолжали свое позорное существованіе. По-прежнему на учащихся смотрѣли, какъ на малолѣтнихъ преступниковъ, жестокостью старались искоренить изъ нихъ признаки злой воли, дрессировали ихъ, а не воспитывали; физическое и нравственное воспитаніе было въ полномъ пренебреженіи, формальная выучка и зубреніе подавляли нормальное умственное развитіе. Это была скорѣе жестокая выучка звѣреньшей, чѣмъ воспитаніе и обученіе людей...

Лучшіе умы негодовали, взывали къ обществу—и вытащили изъ пыли забвенія старую теорію, которую когда-то эпигоны гуманизма выставили противъ невѣжественныхъ схоластиковъ и ихъ школы...

Старая школа ставила своей исключительной цѣлью сообщеніе нѣкоторыхъ знаній, часто очень далекихъ отъ жизни; самое усвоеніе ихъ носило характеръ механической долбни.

Новая теорія впадала въ противоположную крайность: ея послѣдователи часто принижали значеніе умственнаго труда, считали воспитаніе выше образованія, не признавали за наукой воспитательнаго значенія. Въ воспитаніи видѣли панацею противъ всѣхъ общественныхъ золъ, самое могучее орудіе общественнаго совершенствованія — и часто забывали о воспитывающей роли учрежденій и самой жизни; заботу о

народномъ воспитаніи и образованіи возлагали на государство—и слишкомъ мало думали объ общественной самодѣятельности въ этомъ насущномъ дѣлѣ...

Еще въ XVII в. въ Германіи дѣйствовалъ collega jubilaeus Häuberle въ одномъ швабскомъ городкѣ. Впродолженіе 51 г. и 7 мѣсяцевъ своей служебной дѣятельности онъ далъ своимъ ученикамъ по умѣренному вычисленію: 911,527 палочныхъ ударовъ, 124.010 розогъ, 20989 ударовъ линейкой, 136,715 шлепковъ, 10235 зуботычинъ, 7905 пощечинъ, 111,5800 тумаковъ и 22,753 „нотабене съ библіей, катехизисомъ, молитвенникомъ и грамматикой“. 777 разъ заставилъ онъ мальчиковъ стоять колѣнами на горохѣ, 613 разъ—на трегранныхъ полѣнахъ. 5001 разъ онъ давалъ ученикамъ приказъ носить на себѣ изображеніе осла, 1,707 разъ высоко держать надъ собою плетку — не говоря ужъ о нѣкоторыхъ изъ ряда вонъ выходящихъ наказаніяхъ, изобрѣтаемыхъ имъ экспромтомъ. Изъ числа палочныхъ ударовъ 800.000 достались за латинскія вокабулы, а изъ розогъ 76.000 за библейскія изреченія и евангельскіе тексты. Въ его обиходѣ было до 3000 ругательствъ, изъ которыхъ $^2/_3$ онъ заимствовалъ изъ отечественной словесности, а $^1/_3$ самъ изобрѣлъ. Противъ такихъ образцовыхъ педагоговъ выступала новая теорія съ своей гуманитарной проповѣдью, требуя уваженія къ личности ребенка, признанія своеобразности его духовнаго міра...

Западная педагогическая теорія не отличалась единствомъ и цѣльностью, сходство въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ не исключало противорѣчій въ отдѣльныхъ подробностяхъ: она не успѣла еще отлиться въ опредѣленную форму, на нее вліяли различныя историческія условія, ей приходилось вступать въ различныя взаимодѣйствія со старыми привычками и новыми недоразумѣніями...

Передъ читателемъ прошлаго вѣка мелькали стра-

ницы Рабле, Монтэня, Локка, Монтескье, Руссо и Базедова, дефилировали блестящіе ряды увлекательныхъ педагогическихъ идей, оставляя послѣ себя густой осадокъ противорѣчій и недоразумѣній, неразвитыхъ намековъ и остроумныхъ софизмовъ. Какой-нибудь сложный вопросъ требовалъ внимательнаго расчлененія и осторожнаго изслѣдованія, но отъ него отдѣлывались красивой общей фразой; мѣстами обиліе мелочей затемняло общую идею.

Блестящія догадки, опережающія вѣкъ, скрыли отъ большинства изслѣдователей внутреннія противорѣчія. которыя осудили эту теорію если не на безплодіе, то на очень медленное пусканіе корней...

На переработку, ассимилированіе жизнеспособныхъ клѣтокъ ушло много времени, и этимъ, между прочимъ, объясняется, по нашему мнѣнію, медленный ростъ европейской педагогической мысли—коллективной...

Какъ бы то ни было, не надо забывать, что корни современныхъ педагогическихъ идеаловъ питались соками этого пестраго по своему составу слоя...

Поклонники чистаго, естественнаго разума, педагоги новаго типа, вступали въ ожесточенную борьбу противъ современной школы, которая извращала его нелѣпыми педагогическими пріемами,—противъ жизни, которая заражала его предразсудками и суевѣріемъ, человѣконенавистническими идеями и безжизненнымъ формализмомъ. Многочисленныя прегрѣшенія старой теоріи противъ элементарныхъ правилъ умственнаго воспитанія призывали къ борьбѣ на разныхъ флангахъ, и въ пылу битвы противники иногда мѣнялись оружіемъ, какъ Лаэртъ и Гамлетъ; разнородные аргументы скрещивались и сливались; старая метафизическая закваска, столь характерная для большинства „просвѣтителей“, еще сильнѣе осложняла дѣло.

Свободомысліе, культъ разума и возведенная въ принципъ критика шли объ-руку съ произвольнымъ

отвлеченіемъ, метафизической догмой, пристрастіемъ къ апріорному методу, къ абстрактнымъ системамъ, которыя слабо опирались на факты,—съ искусственной силлогизаціей. Послѣднее всегда бываетъ обоюдоострымъ оружіемъ, и часто мало пользы получала реальная наука отъ столкновенія двухъ метафизическихъ системъ, одинаково абсолютичныхъ...

То, что для удаленнаго на цѣлый вѣкъ современнаго глаза, мало вооруженнаго чутьемъ или навыкомъ, кажется только приниженіемъ умственнаго воспитанія, въ дѣйствительности было очень сложной величиной: тутъ была поэтическая греза объ естественномъ состояніи, культъ неиспорченнаго извращенной цивилизаціей разума, борьба противъ узкой и преждевременной спеціализаціи, защита общаго образованія противъ профессіональной выучки, разумное суженіе задачъ первоначальнаго воспитанія, введеніе обученія въ должныя предѣлы — чтобы оно не ставило своею цѣлью подробнаго усвоенія различныхъ наукъ, а ограничивалось развитіемъ умственныхъ способностей, подготовленіемъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, возбужденіемъ интереса, пріученіемъ къ труду и самодѣятельности...

Выдвигается на первый планъ наглядное обученіе. ребенка хотятъ развивать, послѣдователи же Руссо заставятъ его выматывать изъ себя науку...

Одни пріобрѣтеніе знаній предоставляли личному почину воспитанника, другіе отодвигали его къ сравнительно поздней, сознательной ступени развитія, третьи были гомеопатами педагогики.

Хотя мелькаетъ мысль о гармоническомъ развитіи души и тѣла, хотя уже понимаютъ тѣсную связь между всѣми душевными явленіями, всетаки моральное и физическое воспитаніе выдвигаютъ на первый планъ. Мы знаемъ, что прежде ихъ совершенно игнорировали: одна крайпость вызываетъ другую.

Сенсуалистическое ученіе привело къ признанію ребенка tabula rasa. Роль воспитателя сводилась такимъ образомъ къ украшенію этой доски приличными моральными сентенціями. Отсюда искусственное уединеніе дѣтей, идея интерната, разъединеніе семьи и школы, установленіе за ребенкомъ назойливаго контроля.

Локкъ требовалъ уваженія къ личности ребенка, приспособленія къ его индивидуальноси [1]), духовнаго и физическаго закаливанія; передъ нимъ носился идеальный образъ человѣка, здороваго духомъ и тѣломъ, умѣющаго за себя постоять, знающаго людей и природу. Окрѣпнувъ, онъ сумѣетъ пріобрѣсти потомъ нужныя спеціальныя свѣдѣнія, а между тѣмъ первоначальное воспитаніе сдѣлаетъ его полезнымъ членомъ общества, облегчитъ ему трудную борьбу за существованіе, пригодится ему на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ. Однимъ словомъ, это варіація на тему, прекрасно намѣченную Дюкло: „у насъ много выучки, но мало воспитанія; изъ насъ образуютъ ученыхъ, всевозможныхъ художниковъ, но еще не надумались образовать людей, т. е. воспитывать ихъ другъ для друга, полагать общее воспитаніе въ основу всякаго частнаго обученія“.

Локкъ противъ механическаго заучиванья, рѣзкихъ насилій надъ волей ребенка, принудительнаго ученія, рабской дисциплины: „рабская дисциплина создаетъ и рабскій характеръ“, „ребенокъ выучитъ въ 3 раза больше, когда онъ въ хорошемъ настроеніи“; дѣти „любятъ, чтобы съ ними начинали обращаться, какъ съ разумными существами, раньше, чѣмъ многимъ это кажется“ и пр. Между тѣмъ Руссо считаетъ нелѣпостью разсужденія съ дѣтьми и проповѣдуетъ такой

[1]) По мнѣнію Локка, особенности организаціи ребенка даютъ воспитателю только нѣкоторый просторъ, измѣненія возможны въ предѣлахъ, намѣченныхъ природой.

контроль надъ дѣйствіями ребенка, который переходитъ въ скрытое порабощеніе, разслабляющее волю, отучающее отъ самодѣятельности.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ тѣхъ противорѣчій, которыхъ такъ много въ педагогическихъ теоріяхъ прошлаго вѣка: та небольшая доля самодѣятельности, которую развивало обученіе, парализовалась скрытымъ насиліемъ въ области воспитанія нравственнаго. „Воскъ“ слишкомъ мяли, стараясь вылѣпить изъ него кандидатовъ на монтіоновскую премію...

Осязательнѣе всего результаты, достигнутые новой теоріей въ области физическаго воспитанія: до сихъ поръ еще жизнь не можетъ удовлетворить всѣмъ ея требованіямъ—такъ далеко шагнула эта теорія.

Представители просвѣтительной философіи сильно грѣшили противъ исторіи: они плохо понимали историческую преемственность въ развитіи человѣческихъ обществъ, не уважали традицій, отличались теоретичностью и разобщенностью съ жизнью, часто не умѣли подойти къ дѣйствительности и народной массѣ.

Теорія кажется имъ панацеей противъ всѣхъ общественныхъ невзгодъ, въ нее слишкомъ вѣрятъ, и слишкомъ мало считаются съ фактами жизни. Оптимизмъ столкнулся съ шероховатой дѣйствительностью и у многихъ смѣнился преувеличеннымъ разочарованіемъ...

Всѣ эти противорѣчія и прорѣхи особенно наглядно сказались у насъ на Руси... И у насъ стало догматомъ превосходство воспитанія надъ образованіемъ. Знанію не придаютъ часто никакой цѣны, считаютъ его только средствомъ для приведенія въ дѣйствіе природныхъ способностей ребенка, употребленія съ пользой его времени, отвращенія его отъ праздности.

Задачи новаго воспитанія формулируются, по выраженію одного изъ изслѣдователей, такъ: „здоровье и стройное развитіе физическихъ силъ человѣка вмѣсто безпорядочнаго многоученія, благовоспитанность вмѣсто

учености, нравственный тактъ и живое пониманіе дѣйствительности взамѣнъ устарѣлыхъ грамматикъ и риторикъ; при спеціальномъ обученіи должно быть общее воспитаніе, подготовляющее къ гражданскому общежитію; это воспитаніе должно быть сосредоточено на разработкѣ нравственнаго чувства; это дѣло должно взять въ свои руки само государство".

Ознакомившись съ этими задачами и глубоко интересуясь педагогическими вопросами, Екатерина въ самомъ началѣ своего царствованія поручила Теплову составить записку, въ которой была бы формулирована новая теорія. Повидимому, основныя идеи были намѣчены самой Императрицой.

Въ основѣ записки лежитъ та мысль, что не обучать надо, а только воспитывать. Соединеніе тихаго нрава съ веселостью, съ улыбательнымъ духомъ—вотъ идеалъ, къ которому надо стремиться. Дѣтей надо брать прямо отъ груди и отдѣлить отъ семейной среды, ибо „предоставленный на свою волю ребенокъ уже на 3-емъ или 4-омъ году окажется необузданною фуріею". Рѣзкое отрицаніе современной среды идетъ здѣсь объ-руку съ оптимистической вѣрой въ всеисцѣляющее значеніе воспитанія, забыта опасность тепличнаго, искусственнаго воспитанія, послѣ котораго жизненный холодъ долженъ былъ казаться еще болѣе жестокимъ. Жизнь сама шлифуетъ, создаетъ извѣстный закалъ, и горе тѣмъ, кто слагается внѣ ея подъ-часъ жестокаго воздѣйствія...

Когда нравственное чувство будетъ закрѣплено, когда общество черезъ два-три поколѣнія переродится, тогда можно будетъ внѣдрять и науки. Но жизнь вносила свои властныя поправки въ абстракную теорію, и приходилось вводить въ программу обученіе прикладнымъ наукамъ: вѣдь если потратить трудъ на воспитаніе только благонравныхъ и добродѣтельныхъ людей, то „придется ихъ за одну диковинку или рѣд-

кость показывать другимъ, ибо ни къ какому дѣлу употребить ихъ будетъ невозможно, и ихъ добродѣтель не принесетъ пользы ни государю, ни обществу". Отъ этихъ словъ довольно сильно вѣетъ духомъ Петровской эпохи...

Въ болѣе стройномъ видѣ вылилась эта теорія изъ-подъ пера Бецкаго, которымъ въ значительной степени руководила Екатерина.

Бецкій отрицалъ врожденность идей и склонностей, объяснялъ дѣтскую порочность дурнымъ воспитаніемъ, видѣлъ въ воспитаніи единственное орудіе общественнаго совершенствованія.

По его словамъ, „искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, естьли кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе. Достигнуть же послѣдняго... не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т. е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которыя дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки".

Въ этой тирадѣ вся новая теорія, какъ на ладони, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. Искреннее желаніе общаго блага, патріотическое стремленіе поднять нравственный уровень отечества—и наивность пріемовъ, юный оптимизмъ. Казалось такимъ легкимъ дѣломъ созданіе новой породы людей!

Воспитывать нужно, по этой теоріи, внѣ вліянія современной семьи и общественной жизни. Мечта о не-

рерожденіи общества логически приводитъ къ идеѣ о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ и необходимости женскаго образованія, и эта идея находитъ сильную точку опоры въ Императрицѣ: она любила учиться, терпѣла много въ молодости за ученость, въ своихъ интересахъ хотѣла поднять положеніе женщинъ въ обществѣ и видѣла въ этомъ залогъ прочности семьи и культурности общества. Исходя изъ своего личнаго опыта, она настаиваетъ на „приваживаніи“ къ чтенію, „вперяніи“ охоты къ книгамъ, слегка иронизируя надъ систематической школьной выучкой...

Уставъ Кадетскаго корпуса, въ которомъ, кстати, преподавалось до 22 наукъ (даже изваяніе и дѣланіе статуй), требовалъ: „для пользы воспитываемыхъ наблюдать, чтобы прилежаніе къ наукамъ было умѣренное“; „чтобы кадетъ обучали не такъ, какъ въ университетахъ и другихъ училищахъ, а самымъ дѣломъ, слышаніемъ и видѣніемъ“.

Екатерина ставила нѣсколько иначе вопросъ: „не столько учить дѣтей, сколько имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить его“.

Говоря о развитіи охоты къ знанію, чаще всего обращали, вмѣстѣ съ тѣмъ, обученіе въ игру, не допускали ни малѣйшаго принужденія, не придавали самостоятельнаго образовательнаго значенія обученію, считая его только средствомъ для отвращенія отъ праздности, для опредѣленія способностей, пріученія къ труду и прилежанію...

Между тѣмъ въ понятіе „достойнаго человѣка“ вводится, какъ признакъ, не только „чувствительность сердца“, но и „любопытство ума“, не только „качества сердца“, но и „познанія ума“ (Бецкій). Желая „новымъ воспитаніемъ новое бытіе намъ даровать и новый родъ подданныхъ произвести“, думали, что „здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру составляютъ

все воспитаніе", выдвигали на первый планъ „учтивство и долгъ пристойности". Екатерина говорила, что „замыкается нравственное воспитаніе въ 4-хъ вещахъ: 1) въ добродѣтели, 2) въ учтивости, 3) въ добромъ поведеніи, 4) въ знаніи". Какая неопредѣленность терминологіи, сбивчивость раздѣленій и опредѣленій! Теорія расползалась, и приходилось съ трудомъ скрѣплять ея куски... Хорошо еще, что думали: „побоями добродѣтели произвести невозможно: она — дщерь кротости, любви и почтенія къ родителямъ, наставникамъ и знаемымъ". Теорія рѣзко высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній, грубыхъ нарушеній чувства собственнаго достоинства и самолюбія въ дѣтяхъ, требуетъ того, „чтобы всякую науку и наученіе облегчить ученикамъ колико возможно".

„Главное достоинство наставленія дѣтей, говоритъ Екатерина, состоять должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ доброправіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится".

Вниманіе, гуманное отношеніе къ низшимъ и обездоленнымъ, „благоволеніе ко всякой твари" не были также забыты этой симпатичной педагогической программой. Юношество нужно было увеселять невинными забавами и играми, чтобы „чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а, напротивъ того, искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ". „Быть всегда веселу и довольну, пѣть и смѣяться" — лучшій способъ къ произведенію людей здоровыхъ, одаренныхъ добрымъ сердцемъ и острымъ разумомъ.

„Питая въ дѣтяхъ веселость нрава, надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ-то: печальныя воображенія или уныніе наносящіе разсказы, и всякія малодушія, привлекающія нѣгу, также и ласкательство". Нельзя запугивать дѣтской фантазіи небывалыми побасенками, нужно воспитывать въ ребенкѣ здравый разсудокъ, самодѣятельность—и *рабское, слѣпое послушаніе*.

Идеально воспитанный Февей по приказанію отца терпѣливо поливаетъ сухой сучокъ. На возраженія и насмѣшки у него есть готовый отвѣтъ: „кто повелѣваетъ, тому и разсуждать, а наше дѣло слушаться, исполняя слово повелѣнное съ покорностью безропотно, не разсуждая того... Повинуясь ему, учусь, какъ ко временамъ повелѣвать приличествуетъ".

Это, собственно, вкладъ русской практики и привычекъ самой Екатерины въ западную теорію...

„Всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оное дается". „Наставленіе" должно считаться съ сословнымъ дѣленіемъ, развивать различныя „добродѣтели и добронравіе", „состоянію и рожденію приличныя": „когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее пріидетъ ко времени".

Но раціоналистическіе „молитвенники" подсказывали и идею всесословнаго, общаго образованія, которая кой-гдѣ незамѣтно проскальзывала.

Разгоряченная мечта, часто не замѣчавшая этихъ противорѣчій, рисовала яркую картину всеобщаго благополучія, лестнаго результата гуманной педагогической теоріи и самоотверженной просвѣтительной дѣятельности. Благодаря имъ вѣрный сынъ отечества, благорожденный юноша, могъ сдѣлаться универсальнымъ дѣятелемъ: вѣнецъ теоріи вѣдь въ томъ и заключался, „чтобы генералъ, одержавъ побѣду, могъ рѣшить судное дѣло въ сенатѣ, распоряжать теченіе

доходовъ, поправлять земледѣліе, исполнять должность генералъ-полицеймейстера, чтобы изъ военной коллегіи или другого правительственнаго учрежденія паки могъ ѣхать въ поле предводительствовать арміею и при назначеніи на сіи должности не было нужды разбирать время и особы“.

Передъ нами мелькнулъ старый, петровскій идеалъ, только Петръ до него добирался, не убыточась на „воспитательныя заведенія“, а дѣйствуя направо и налѣво своею дубинкою...

Das alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben sprosst aus den Ruinen!

Сама Екатерина, повидимому, чувствовала, что не все въ пропагандируемой теоріи обстоитъ благополучно, и довольно скоро охладѣла къ Бецкому, но, какъ всегда, не рѣшилась на рѣзкій разрывъ и довольствовалась полумѣрами.

Жизнь, опытъ несли свои возраженія противъ многихъ сторонъ новой теоріи, и съ этимъ приходилось считаться. Западная наука и русская дѣйствительность помогли лучшимъ русскимъ людямъ разобраться въ ея противорѣчіяхъ, воспользоваться ея лучшими сторонами и отвергнуть всѣ ея крайности и недоразумѣнія.

Новиковскіе журналы были въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, органомъ русскаго общественнаго самосознанія.

Они ожесточенно боролись противъ взгляда, будто бы воспитаніе безконечно выше образованія; они подчеркнули роль мысли и знанія въ процессѣ развитія нравственнаго чувства, подняли вопросъ о приниженномъ положеніи учителя и воспитателя, о безсословномъ образованіи, развитіи народнаго образованія по иниціативѣ общества и на его средства... На ихъ страницахъ начертаны великія слова: „дитя имѣетъ такія же права, какъ и мы, съ тѣмъ только разли-

чіемъ, что ему болѣе, чѣмъ намъ, нужна чужая помощь"; въ ребенкѣ всячески нужно развивать „любовь ко всѣмъ человѣкамъ безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго счастья".

Таково было броженіе педагогическихъ идей въ этотъ вѣкъ, „полный любви и юной самоувѣренности искренней и гуманной,—вѣкъ, который много грѣшилъ, потому что онъ много въ себя вѣрилъ, но которому будетъ многое прощено, потому что онъ много любилъ", по счастливому выраженію Гизо...

Madame de Staël геніально предсказала причину, благодаря которой мы должны быть скромнѣе и справедливѣе въ оцѣнкѣ прошлаго вѣка: „XVIII-е столѣтіе высказывало слишкомъ безусловно свои принципы; XIX, можетъ статься, будетъ черезчуръ подчиняться фактамъ. Первое вѣрило въ абсолютную природу отношеній, второе будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первое хотѣло повелѣвать будущностью, второе ограничивается изученіемъ человѣчества" [1]).

X.

„Начто дѣвку учить грамотѣ? Имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ".

Эти слова Чудихиной выразили задушевное убѣжденіе большинства русскихъ людей прошлаго вѣка. Идея женскаго образованія, какъ мы видѣли, не была чужда даже Петровской Россіи, но до Екатерины не было ни одного правительственнаго женскаго учебнаго заведенія: дѣвочекъ учили дома подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, или отдавали ихъ для обученія въ монастыри и немногочисленные частные пансіоны, не выдерживавшіе самой снисходительной

---

[1]) Шаховъ, Гёте и его время, 10—11.

критики. Высшее общество съ предубѣжденіемъ относилось къ общественному женскому воспитанію; вообще женской школой въ то время мало воспользовались.

Еще въ началѣ 60-ыхъ годовъ Екатерина заинтересовалась Сенъ-Сиромъ, который ставилъ своею цѣлью давать государству образованныхъ женщинъ. Ей хотѣлось ввести женское образованіе въ общую систему воспитанія русской молодежи, улучшить породу не только отцовъ, но и матерей, поднять культурный уровень всего государства.

Къ половинѣ 60-ыхъ годовъ относятся первыя попытки практическаго примѣненія педагогическихъ идей— „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ" и „училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ" (мѣщанскихъ).

Екатерина не забывала своей личной борьбы за право ученія, помнила, что наука была подспорьемъ въ первую половину ея жизни. „Генеральный планъ московскаго Воспитательнаго Дома", несомнѣнно, выразилъ ея идею: „не сыщется еще такой, кто-бы столь далеко отступалъ отъ здраваго разсудка, кому бы нечувствительно было благоденствіе рода человѣческаго и кто бы не желалъ, дабы всѣ дѣвушки не только обучались читать и писать, но имѣли бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными".

Что послѣднимъ словамъ нельзя придавать слишкомъ широкаго смысла, это видно изъ слѣдующихъ сопоставленій: раньше указывалось, что цѣль воспитанія—смягченіе нравовъ, произведеніе „новаго порожденія, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли", позднѣе—„намѣреніе и конецъ воспитанія дѣвицъ состоитъ наипаче въ томъ, чтобы сдѣлать добрыми хозяйками, вѣрными супругами и попечительными матерями". Между тѣмъ представители университетской

учености, въ — родѣ проф. Десницкаго, произносили рѣчи о равноправности мужчинъ и женщинъ...

Новыя школы рѣзко подчеркивали свой полный разрывъ съ семьей и обществомъ: съ родителей брали подписку не требовать дѣтей къ себѣ даже на время; дѣтей хотѣли оставлять въ училищѣ до 18 или 20 лѣтняго возраста, и во все это время они не имѣли права видѣться съ родными—развѣ въ самомъ училищѣ, да и то въ присутствіи начальства.

Дорогія учрежденія, обладавшія поэтому весьма слабой тенденціей къ распространенію, должны были доказать примѣнимость на практикѣ популярной педагогической теоріи.

Екатерина думала: „учить нетрудно, но надо, по-моему, подождать, чтобы голова и свойства головы ребенка развились прежде, чѣмъ отуманивать ее всякимъ хламомъ прошедшихъ временъ“; „чтобы не отягощали нецѣлый умъ излишними понятіями“.

Дѣвицъ обучали главнымъ образомъ благонравію, добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. Въ обученіи играли значительную роль словесныя науки, „къ коимъ принадлежитъ чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ“; по неизвѣстнымъ причинамъ въ него была включена „часть архитектуры и геральдики“.

Чтеніе и размышленіе, къ которымъ нужно было „приваживать“, которыя усиленно нужно было „вперять“, должны были дать развитіе, выработать самостоятельное міровоззрѣніе, подготовить къ дѣятельной роли въ жизни. Чтеніе вело такимъ образомъ къ образованію, которое не ставилось однако цѣлью: оно должно было служить средствомъ для достиженія цѣлей, лежащихъ внѣ его сферы.

Выработка моральнаго закала должна было итти объ руку съ веселымъ настроеніемъ, свѣтскимъ лос-

комъ, развязностью въ обращеніи [1]). „Буде которая дѣвица содѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе, то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстати сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ и поощреніемъ къ подражанію“.

Серьёзности, задумчивости не любили: не даромъ одна изъ воспитанницъ была аттестована такъ: „она серьёзна, но умна“.

Новая школа носитъ дворянскій и свѣтскій, нѣсколько даже аристократическій отпечатокъ. Близость ко двору, посѣщенія Императрицы, переписка съ нею придали Смольному мало желательную окраску, которая плохо гармонировала съ той бѣдной средой, изъ которой вышла большая часть воспитанницъ,—съ сѣренькой жизнью, которая должна была достаться имъ на долю: разыгрывались аппетиты, создавались привычки, которые такъ и должны были остаться безъ удовлетворенія...

Искренняя любовь, даже обожаніе смолянокъ трогали Екатерину, и въ ея письмахъ звучатъ мягкія нотки, хотя она не безъ тщеславія хвасталась этими милыми письмами передъ Вольтеромъ.

Что же дали русскому обществу эти первыя попытки правильнаго женскаго образованія?

Мечтая о созданіи средней породы людей, Екатерина ввела въ курсъ мѣщанскаго училища и нѣкоторыя „дворянскія“ науки, но это было исключительнымъ случаемъ, и ими не многія воспользовались [2]).

На глазахъ императрицы, близко ко двору, были

[1]) Срв. Слова Бецкаго: „во всѣ дни недѣли у насъ идутъ спектакли: кромѣ придворныхъ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ кадетскомъ корпусѣ и въ Академіи“. Театральными представленіями тогда прямо злоупотребляли.

[2]) Вообще мѣщанскія дѣвушки проходили элементарный курсъ, который нѣсколько разъ повторяли.

достигнуты кой-какіе результаты, которые не оправдали однако ожиданій.

Не знавшія жизни и непрактичныя смолянки, конечно, иногда „приносили въ эту незнакомую имъ и часто дикую жизнь высокій нравственный складъ и живые умственные интересы“, часто были образованнѣе, просвѣщеннѣе другихъ русскихъ дѣвушекъ, но еще чаще выходили круглыми невѣждами или выносили небогатыя, случайныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя посредствомъ безпорядочнаго чтенія, за которымъ мало было присмотру. Ревизія 1783 г. обнаружила всѣ прорѣхи этой школы: оказалось, что въ одной комнатѣ одновременно преподавали свои „наставленія“ по три учителя и учительницы, что дѣвицъ брали до окончанія часа у одного учителя и посылали ихъ къ другому, что воспитанницы часто самовольно уходили съ уроковъ и пр.

Екатерина сильно разочаровалась въ своемъ любимомъ дѣтищѣ, охладѣла къ нему, убѣдившись, что оно плохо вознаградило ее за большія денежныя затраты, что оно и не могло итти хорошо благодаря ошибочности положенной въ его основу идеи и недостатку соотвѣтствующихъ воспитателей [1]).

Екатерина не порвала открыто съ прежней системой, но ея вниманіе было уже, очевидно, направлено въ другую сторону: въ ея глазахъ получало все большее и большее значеніе образованіе, воспитаніе переставало быть главной и даже исключительной цѣлью школы, школа должна была быть общеобразовательной и безсословной, нужно было поднять уровень учебнаго дѣла, распространить общеобразовательную школу по всей Россіи. Этого требовала сама жизнь, къ этому стремилось общество. Императрицу подхва-

[1]) Въ 1775 г. она посѣтила воспитательный домъ, интересовалась больше всего ученіемъ и осталась очень недовольна неловкостью, непонятливостью, угрюмостью и молчаливостью питомцевъ.

тило это теченіе, и она попыталась заключить его въ рамки австрійской системы и отдать подъ надзоръ Янковичу де Миріево.

XI.

Втеченіе всего царствованія Екатерины раздаются горькія жалобы на недостатокъ школъ, на то, что имперія имѣетъ только нѣсколько сословныхъ или спеціальныхъ школъ, а правительство не приходитъ на помощь къ обществу.

Хотя были кой-гдѣ приходскія школы, депутаты Коммиссіи требуютъ крестьянскихъ школъ при церквахъ, „дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ" — крестьянъ, чтобы церковные причты обучали крестьянскихъ мужескаго пола дѣтей, „отъ чего впредь, уповательно, подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ". Требуютъ низшей и средней школы, даже нѣсколькихъ университетовъ.

Въ 1764 г. нѣкій Крестининъ подаетъ въ сенатъ проектъ обязательнаго обученія, предлагаетъ открыть малыя школы, въ которыхъ бы обучались всякаго чина и обоего пола дѣти въ городѣ всѣ безъ исключенія. Масонъ Кутузовъ писалъ: „отъ моихъ учителей (Новикова, Шварца) позналъ я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ просвѣщенія". Извѣстна широкая просвѣтительная дѣятельность Новикова, который будилъ общественную инициіативу, направлялъ ее на дѣло народнаго просвѣщенія, но имѣлъ несчастье натолкнуться на недовѣріе и даже преслѣдованія Екатерины...

Мѣрами правительства многіе были недовольны. Даже у Малюты Скуратова русскаго просвѣщенія, Рунича, вырвались характерныя слова: „въ царствованіе Екатерины II народное просвѣщеніе шло еще

медленными шагами и едва ли до воцаренія императора Александра просвѣщеніемъ названо быть можетъ".

Вскорѣ послѣ воцаренія Екатерина задумала удовлетворить назрѣвшей потребности открытіемъ „пенсіонныхъ домовъ" или „воспитательныхъ академій". Въ связи съ этимъ планомъ находится цитированная выше записка Теплова, которая требовала воспитанія примѣромъ, ежеминутнаго наблюденія за дѣтьми, постояннаго пребыванія воспитателей съ питомцами, отеческаго къ нимъ отношенія, дружескаго, пріятнаго, шутливаго разговора съ ними; она совѣтовала наказывать съ холодною кровью, безъ гнѣва, вводить въ школьную жизнь „забавы и веселости". Даже въ соблюденіи установленнаго въ домѣ порядка распредѣленія дня не слѣдовало проявлять излишнюю строгость, чтобы не стѣснять вольность духа у дѣтей. Внѣшняя обстановка должна быть такой, чтобы житье казалось „не темницей, но мѣстомъ пріятнымъ, ибо бѣдное черезчуръ содержаніе мертвитъ духъ и мысли".

„Пенсіонные дома" этого проекта—прообразъ извѣстнаго намъ „Воспитательнаго общества" Бецкаго...

Екатерина засыпаетъ своихъ иностранныхъ корреспондентовъ просьбами сообщить свои проекты народнаго образованія для Россіи [1]: если Сенакъ де Мельянъ, по предложенію Екатерины, могъ приняться за составленіе русской исторіи, не зная ни ея источниковъ, ни даже русскаго языка, то отчего же не прибѣгнуть къ иностраннымъ просвѣтительнымъ проектамъ? Больше всего интересуется она прогремѣвшими

[1]) Въ 1764 г. она посѣтила прибалтійскій край, кой-что сдѣлала для матеріальнаго благосостоянія латышей и эстовъ и обратила вниманіе на народное образованіе и на духовныхъ просвѣтителей народа, которые часто не понимали языка своихъ прихожанъ. Въ 1765 она подтвердила старый шведскій указъ, чтобы въ каждомъ приходѣ существовала школа и чтобы пасторы ежегодно доставляли свѣдѣнія объ успѣхахъ дѣтей.

тогда „филантропинами", но колеблется между ними и австрійскими нормальными школами: ее останавливаетъ антипатія къ Австріи и Маріи Терезіи. Сближеніе съ Іосифомъ II и дурные отзывы Гримма о филантропинахъ склонили вѣсы къ болѣе практичной австрійской системѣ...

Система начальнаго народнаго обученія, сдѣлавшаяся модной къ концу вѣка, появляется раньше всего въ Пруссіи при Фридрихѣ, который придавалъ высокое значеніе грамотности для унтеръ-офицеровъ.

Изъ Пруссіи она переходитъ въ Австрію. Когда въ 1773 году былъ закрытъ іезуитскій орденъ, его училища передѣланы были въ народныя школы при живомъ участіи Маріи Терезіи, которая увлеклась педагогическимъ дѣломъ и сама наставляла епископовъ, какъ составлять катихизисъ. Она много положила энергіи на преобразованіе системы общественнаго воспитанія, но, къ сожалѣнію, хотѣла сдѣлать изъ нея орудіе онѣмеченія и окатоличенія населенія.

Новая школа подняла все-таки умственный уровень всѣхъ слоевъ народа, внесла въ преподаваніе вмѣсто рутины свѣжій духъ, выдвинула идеалъ народной школы, подняла учебный персоналъ, запретила тѣлесныя наказанія и формулировала идею одновременныхъ занятій съ цѣлымъ классомъ, а не одиночныхъ занятій съ отдѣльными учениками, какъ это было раньше.

Впервые трезво посмотрѣли на вопросъ, чему и какъ учить.

Австрійская система выработала три типа школы: 1) начальныя —въ которыхъ преподавался законъ Божій, чтеніе, письмо и первыя правила ариѳметики, 2) главныя (цѣль ихъ—подготовленіе учителей для простонародныхъ школъ), курсъ которыхъ былъ пополненъ еще геометріей, механикой, архитектурой, естествознаніемъ, географіей, исторіей, сельскимъ хо-

зяйствомъ, элементами латинскаго языка, 3) нормальныя—учительскія семинаріи.

Въ самомъ методѣ преподаванія были произведены значительныя усовершенствованія: 1) требовали совмѣстнаго обученія всѣхъ учениковъ и постояннаго поддержанія ихъ вниманія, 2) стремились облегчить ученикамъ изученіе предметовъ, не отягощать ихъ памяти, 3) прибѣгали къ наглядному обученію и 4) требовали обдумыванія и яснаго усвоенія изучаемаго посредствомъ задаваемыхъ вопросовъ.

Главнымъ руководителемъ школы является духовенство, и о возвышеніи его умственнаго уровня постоянно заботиться правительство.

Съ 1782 г. идутъ попытки перенести эту австрійскую систему на русскую почву, причемъ эта система подверглась существеннымъ измѣненіямъ.

Духовенство было устранено отъ завѣдыванія школой: причиной этого было пренебрежительное отношеніе Екатерины къ русскому духовенству, вызванное отчасти ея міровоззрѣніемъ, отчасти низкимъ культурнымъ уровнемъ духовной среды: съ тѣхъ поръ, какъ при Аннѣ Іоанновнѣ начали требовать отъ священниковъ не знаній, а только хорошей жизни, образованность духовенства сильно понизилась.

Труднѣе понять, почему женщина была устранена отъ преподаванія въ народныхъ школахъ и почему ничего не было сдѣлано для педагогическаго образованія женщинъ...

Какъ бы то ни было, начало всеобщаго народнаго образованія было положено. Прежнюю сословную и профессіональную школу съ устарѣлыми и безтолковыми способами преподаванія смѣняетъ школа безсословная (больше въ принципѣ, чѣмъ на практикѣ) и общеобразовательная. Упорядочена система начальнаго народнаго обученія, введены новые методы преподаванія, точно опредѣлены обязанности учащихъ и

учащихся, курсы, часы занятій; даны точныя правила относительно жалованья, помѣщеній, учебной администраціи. Много было потрачено энергіи на практическое осуществленіе реформы, выборъ учителей и руководителей, переводъ пособій и составленіе руководствъ; нѣкоторыя изъ послѣднихъ, кстати, недурны даже и для теперешняго времени.

Открытіе правильно устроенныхъ школъ произвело воодушевляющее впечатлѣніе на общество; наплывъ учениковъ показалъ всю своевременность мѣръ.

Съ восторгомъ были встрѣчены дѣйствительно симпатичныя слова указа: „при самомъ обученіи не пренебрегать дѣтей бѣдныхъ родителей, но всегда имѣть въ памяти, что они пріуготовляютъ члена обществу". Въ порывѣ увлеченія не замѣтили недодѣланности плана—въ особенности въ его административной и экономической части, но она скоро дала себя знать. Преподаваніе тормазилось тѣмъ, что учителя были не предметные, а классные.

Призывъ къ народному образованію долженъ былъ странно звучать въ крѣпостнической обстановкѣ.

Нуждаясь въ деньгахъ, Екатерина хотѣла возложить расходы по реформѣ школы на городскія общества: „снабдивъ города наши разными выгодами, въ городовомъ положеніи изображенными, доставили мы имъ доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями просвѣщеніе изъ первыхъ почитаться долженствуетъ".

Еще въ 1775 г. былъ учрежденъ приказъ общественнаго призрѣнія, который долженъ былъ открывать народныя школы въ городахъ и многолюдныхъ селахъ; было рѣшено „отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу или оставлять ихъ дома", состоятельныхъ учить за умѣренную плату, бѣдныхъ даромъ. Указъ требовалъ чистыхъ помѣщеній для школъ, достаточнаго количества воздуху для учащихся.

Благія начинанія не привели ни къ чему вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, но Екатерина не отказалась отъ мысли воспользоваться этимъ учрежденіемъ для просвѣтительныхъ цѣлей. Занятые и безъ того сложной работой мѣстные органы, не подготовленные къ контролю надъ школой, часто чуждые интересамъ просвѣщенія, должны были стать во главѣ новаго и сложнаго дѣла. Недостатокъ особыхъ денежныхъ средствъ и ничтожность городскихъ доходовъ были еще большимъ тормазомъ для дѣла.

Была открыта всего одна учительская семинарія, которая должна была поставлять педагогическій персоналъ для всѣхъ школъ. Конечно, ея одной было болѣе чѣмъ недостаточно. Оклады на ея содержаніе были назначены очень скудные, ея развитіе въ учебномъ отношеніи было съ самаго начала парализовано этой мѣрой, и семинарія не могла удовлетворить тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляли.

Екатерина, повидимому, интересовалась семинаріей, иногда посѣщала ее. Оффиціальный отчетъ заноситъ на свои страницы, напр., слѣдующій фактъ: „во все присутствіе свое Ея Величество казалась отмѣнно веселящеюся. Сама по части россійской исторіи и географіи изволила предлагать вопросы, дѣлать возраженія, и тѣмъ составила родъ диспута“.

Между тѣмъ въ главныхъ народныхъ училищахъ шло быстрое научное ослабленіе преподаванія: вмѣсто профессоровъ преподаютъ подъ руководствомъ директора кончившіе ученики. Число учащихся и штаты сокращаются, учителя не получаютъ жалованья, ученики пьютъ, безобразничаютъ и бѣгутъ изъ школы; ихъ стараются удержать насильственными мѣрами...

Однимъ словомъ семинарія разлагалась на глазахъ у всѣхъ.

Высшее объединительное учрежденіе, коммиссія, пользуясь тѣмъ, что Императрица была занята войной,

дѣйствуетъ крайне произвольно. Надежда на казну потеряна, взываютъ къ общественной помощи, но пожертвованія поступаютъ слабо.

Главныя народныя училища не были подчинены, какъ въ Австріи, главной учительской семинаріи, хотя всѣ училища формально были сосредоточены въ отдѣльномъ вѣдомствѣ.

Не было единства дѣйствій, такъ какъ Янковичъ де Миріево не обладалъ талантами Фельбигера, который быстро поставилъ на ноги австрійскую школу.

Отсутствіе спеціальныхъ мѣстныхъ учебныхъ коммиссій не было вознаграждено назначеніемъ попечителей, чаще всего совсѣмъ не годныхъ для своего дѣла. Итакъ мѣстное учебное управленіе было ввѣрено администраціи, его дѣйствія были парализованы недостаткомъ средствъ и подходящаго персонала: вотъ причины, которыя помѣшали полному успѣху новаго дѣла. Кромѣ того, курсъ главныхъ народныхъ училищъ, которыя позднѣе обратились въ среднія учебныя заведенія, превышалъ образовательныя потребности тогдашняго городского общества.

Ревизія Козодовлева (1789 г.) вскрыла печальные факты: число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ: родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго.

Въ Малороссіи народъ предпочиталъ свою старую дьяковскую школу новой: отъ нея вѣяло бюрократизмомъ, она была разсадникомъ мелкаго чиновничества, канцелярскихъ сутягъ и ябедниковъ, не сумѣла подойти ближе къ обществу, въ которомъ давно уже были разбужены религіозныя, эстетическія и отчасти литературныя потребности [1]).

Такова тѣневая сторона знаменитой реформы...

---

[1]) Житецкій, Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 42.

XII.

Когда говорятъ о значеніи царствованія Екатерины, часто смѣшиваютъ результаты единоличной и коллективной дѣятельности, персонифицируютъ процессы, —приписываютъ отдѣльной личности трудъ нѣсколькихъ поколѣній: для плохо вооруженнаго глаза цѣлая солнечная система слилась въ одно небольшое свѣтовое пятно...

Личность, какъ мы видѣли, далеко не всегда умѣла и хотѣла приспособиться къ средѣ, среда подчинялась своимъ особымъ законамъ, идеи часто расползались, учрежденія слабо прививались.

Это не лишаетъ личность историческаго значенія— поскольку она шла въ ногу съ общественнымъ движеніемъ, помогала ему, а не мѣшала, — поскольку были вліятельны, благовременны и полезны пропагандируемыя ею идеи,—поскольку создаваемыя ею учрежденіи продолжали и укрѣпляли просвѣтительныя традиціи. Минутныя вспышки, временныя уклоненія были чаще рябью и зыбью на широкой водной поверхности и очень рѣдко оставляли послѣ себя вредные слѣды въ народной жизни. Въ отведенныхъ размѣрахъ дѣятельность Екатерины имѣла большое значеніе: благо вложить хоть крупицу въ общую сокровищницу народной культуры, а она вложила ихъ больше одной...

Несмотря на многія неблагопріятныя условія, зависѣвшія отъ ея личнаго характера и условій среды, она способствовала, насколько могла и умѣла, распространенію идей, часто высокихъ и благотворныхъ.

Втеченіе ея царствованія, при ея непосредственномъ руководствѣ, было открыто 223 или, считая пансіоны, сельскія, домашнія училища, главныя и малыя школы, 316 училищъ; въ годъ ея смерти въ народныхъ училищахъ училась 1121 дѣвочка, въ воспи-

тательномъ обществѣ 200 и въ мѣщанскомъ училищѣ 240 (кромѣ своекоштныхъ) воспитанницъ [1]).

Хотя безсословная de jure школа de facto была достояніемъ самаго ничтожнаго меньшинства, все таки среднее образованіе было упрочено навсегда...

Въ обиходъ общественной, въ частности педагогической мысли вошло нѣсколько здравыхъ гуманныхъ идей...

Замѣчается подъемъ духа въ обществѣ, который несъ съ собою неисчислимыя послѣдствія...

Въ этомъ сложномъ процессѣ личность Екатерины играла то положительную, то отрицательную роль, во всякомъ случаѣ приковывала къ себѣ вниманіе современниковъ и отчасти позднѣйшихъ поколѣній. Послѣдующее царствованіе отбросило на Екатерину яркій радужный отблескъ, отраженіе котораго такъ сильно замѣтно въ наивныхъ словахъ народной пѣсни:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желты пески,
Распахнися шелкова парча,
Разломися гробова доска,
Подымися наша матушка
Милосердная государыня,
Катерина Алексѣевна!
Безъ тебя намъ жить похужѣло,
Всему царству почежелѣло.

Главныя пособія: *Екатерина II*, Наказъ, Сочиненія (изд. Смирдина, Солнцева и Введенскаго); *Лихачова*, Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ

1) Не слѣдуетъ однако придавать этимъ цыфрамъ преувеличеннаго значенія: 759 ученицъ народныхъ училищъ—уроженки петербургской губерніи, большая часть училась въ малыхъ училищахъ, въ главныхъ очень немногія проходили высшіе классы: женское образованіе слабо распространялось вширь и вглубь.

Россіи, I; *гр. Толстой*, Академическая гимназія въ XVIII ст.; Академическій университетъ въ XVIII ст. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II; *Гротъ*, Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму; *Демковъ*, Исторія древне-русской педагогіи, I; *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры; Введеніе въ русскую исторію; *В. О. Ключевскій*, Лекціи по русской исторіи: Два воспитанія (Русская мысль, 1893 III) Императрица Екатерина II. (Русская мысль, 1896 XI); *Иконниковъ*, Одинъ изъ образовательныхъ проектовъ времени Петра Великаго; *А. А. Кизеветтеръ*, Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой, „Образованіе", 1896, XI; *Морозовъ*, Екатерина II, какъ писательница (ibidem); *Трифильевъ*, Новиковъ, какъ педагогъ; *Незеленовъ*, Новиковъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху; *В. А. Мякотинъ*, Протопопъ Аввакумъ; *Морлей*, Дидро и энциклопедисты; *Лавровскій*, О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II, Памятники стариннаго русскаго воспитанія; *Бильбасовъ*, Памяти Екатерины II (Русская Старина, 1896, XI); (*Васильевъ*), Броннеръ и Лобачевскій; *Кантемиръ*, Сочиненія (изд. Стоюнина), *В. А. Гольцевъ*, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка; *Знаменскій*, Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I и пр.

Указанной выше юбилейной литературой я могъ воспользоваться только для второй половины статьи.

Вл. Каллашъ.

2007111613